

Автор: Дэви Орф

треш-глум-ужастик:

Туманная Гора

ЭТНО-ФЭНТЕЗИ, ЭРОТИКА

Возрастное ограничение: 18+

Предисловие

Запись первая

Эдик включил селфи. Мобильник он держал в руках, поэтому его возбуждение в какой-то степени могло сойти за естественную погрешность съемок. В спальне со студенческим бардаком, где хаос пустых бутылок органично сочетался с вечно не застеленной кроватью, коробками из-под пиццы и разбросанными «франдо́мно» вещами, он находился в одиночестве. И тем не менее молодцеватый румянец неловкости момента все же отчетливо проступал на щеках будущего режиссера. Эд записывал обращение.

– Никуля, Никочка моя! Я тебя люблю, солнышко! Да? Ну, ты в курсе. Серьезно, соберись! Не ржи и слушай внимательно. Прямо вижу твои ямочки и слышу, как ты смеешься! А я вот совсем не шучу. В общем, у меня тут много было ерунды в голове, как это сделать. Сначала хотел, чтобы как-то по-особенному, на всю жизнь! Ну, там, знаешь, как эти видосики на «ха́бе». Тот народ, «аматёуры», они ж такие же простые, как и мы с тобой. Но у них даже на минималках «лямы» просмотров! Потом подумал, а кого взять третьим? Парня? Или девушку? И где их вообще искать? Спрашивать по знакомым? А что если те откажутся, и тогда позор будет! Ужас! Или, может, познакомиться с кем-нибудь в баре? Типа, эй, приятель, не хочешь мою тёлочку? Смотри, какая красотища! Вроде бы норм вариант, да? Но тут вот что всплыло: начал гуглить про тех, кто уже такое пробовал. Из них половина оказалась полными придурками, прикинь, потому что нормальные пары после такого тупо разводятся. Потом даже разговаривать друг с другом не могут! В глаза смотреть, и все такое. А я так не хочу! Конечно, если не парня брать третьим, а девушку, то еще ничего, я бы потерпел... Хотя, знаешь, пошли они все, извращенцы! Давай только ты и я... И больше никого. Ну и как там, пока смерть, типа, не разлучит нас. Лады? В общем, сейчас, погоди.

Эдик аккуратно примостил телефон на среднюю полку небольшого книжно-декоративного шкафа, проверил, хорошо ли в селфи видна кровать, наскоро пригладил непослушные волосы и прокричал в сторону двери:

– Никуля, зая! Иди сюда! Все готово!

В спальню зашла та, кого он позвал. Вероника, стройная сексапильная блондинка с зелеными глазами и россыпью кокетливых веснушек, смущалась не меньше своего бойфренда. На ней кроме миниатюрных кружевных трусиков сейчас ничего не было. Красивые небольшие грудки девушка деликатно прикрывала ладонями. Сомнение читалось в каждом ее робком движении. И все же в глазах горел шальной огонек.

– Слушай, Эд, – произнесла она тихим голосом, – мне как-то не удобно. Ты уверен?

– Тебе не хочется? Мы вовсе не должны этого делать. Я могу выключить!

Эдик искренне расстроился, и все же с готовностью поднялся со стула, на котором сидел, чтобы убрать телефон, но Ника остановила его:

– Ты что?! Не надо ничего выключать! Просто говорю, стрёмно это. Мы ведь... Ой, короче. Давай уже, раздевайся!

– Вот это моя девочка! Музыку включить?

– Пофиг. Хотя, ставь чо-нить.

– «Шаз»!

Эд пропал из зоны видимости, и Вероника подошла вплотную к телефону. Она с любопытством посмотрела на себя, будто впервые видела собственное изображение.

Из небольшой стерео вай-фай колонки, находившейся неподалеку, раздался сигнал подключения, и уже через пару секунд прозвучали первые аккорды «Back in Black» в исполнении легендарной рок-группы «AC/DC». Раскачивал Янг Ангус постепенно, и это идеально подошло для ритма Вероники, которая медленно переместилась к кровати и стала двигаться в такт с песней, ни на миг не отрывая горящего взгляда от пишущей селфи камеры смартфона. И хоть руки все еще прикрывали грудь, движения красотки становились все более раскованными.

Когда в ее сторону неожиданно полетела мужская одежда, девушка рассмеялась, нарушая соблазнительный образ, но танцевать не перестала. Сперва футболка, затем спортивки. Оба раза Ника увернулась в изящном движении, как бы отталкивая вещи попойкой. А вот пару носков она перехватила и задорно бросила обратно, не переставая танцевать. Когда в нее запустили труселями, Вероника тут же подхватила семейки и с восторгом замахала ими, будто пиратским флагом: «Вуу-хуу!»

Музыка набирала обороты. Молодые люди дурачились, как умели, и что было дальше – пускай останется за кадром, в конце концов, двое влюбленных имеют право на конфиденциальность, даже если и планируют потом запустить все это в сеть. Back in Black... Поехали...

.....

Запись вторая

Ника включила селфи. Свой телефон она поставила прямо на раковину перед зеркалом, и подпёрла зубной щеткой, что б не падал. Девушке приходилось ютиться в совсем крохотной туалетной комнатке, совмещенной с ванной, и все же Вероника как-то умудрялась выглядеть привлекательной. И это при том, что на этот раз на ней было одето значительно больше одежды, чем раньше. Кофточка с капюшоном и коротенькие домашние шортики идеально смотрелись на

безупречной фигуре даже несмотря на то, что Вероника сидела на унитазе.

Собравшись с духом, она начала запись негромко, но серьезно:

– Эд, ты лучший мужчина на свете. Ты, конечно, бываешь временами полным засранцем... Черт, не так и легко тебе признаться... Милый мой, я... Я люблю тебя... И это проблема. Ты скоро закончишь свою учебу и станешь режиссером, начнешь снимать в своем кино этих сумасшедших... длинноногих, – она поджала губки, выбирая эпитеты пожестче, – сисястых нимфоманок. Заработаешь кучу денег, купишь себе дом, крутую машину, а про меня забудешь. Не подумай, я, конечно, рада, что ты такой целеустремленный, и ты обязательно станешь великим, только сперва нам надо пожениться. Понимаешь? Ты все время съезжаешь с этой темы. Просто ненавижу тебя за это! И люблю тоже, – у Ники на глазах стали наворачиваться слезы, – Не знаю, может, когда-нибудь я пожалею, что так сделала. А пока, не нахожу другого выхода. Вот...

Она протянула к камере руку, в которой все это время сжимала палочку-тест на беременность, и показала две полоски. А затем, расчувствовавшись, начала тихонько смеяться сквозь слезы:

– Я беременна, Эд! Уже месяц не принимаю противозачаточных. Прости, что врала... Но теперь все будет хорошо, и мы поженемся!

Вдруг за дверью раздался приглушенный крик:

– Эй, подруга, заканчивай уже! Ты что там, веревку проглотила? Давай выходи!

Ника испуганно и быстро утерлась рукавом. Ответила бодро, без тени волнения в голосе:

– Да все уже, Эдя, сейчас выйду! У меня расстройство!

– О, круто! Тогда я лучше к соседу пойду отлить!

– Постой, погоди, у меня есть новости! Твой сосед подождет!

– Что, с веревкой угадал?

– Круче!

Вероника поднялась и, собравшись выходить, поспешно выключила камеру.

Запись третья

– Давай, чувак, включайся уже!

Черный экран абонента ожил. «Face Time» соединил двух братьев, ехавших каждый в своей машине: младшего Эдика и старшего Жорика. Оба смотрели в закрепленные на панели телефоны с легкой иронией.

– Здорово! *Чо* так долго-то?! – возмутился Эдик.

Он уже не первый раз набирал брата, но тот все не отвечал, а поговорить хотелось. Вот Эд и бузил:

– Вечно, сука, вас, кòпов, не дожدهшься!

– Эй, повежливей, я сейчас при исполнении, – невозмутимо ответил Жора, поправляя и без того безупречный ворот полицейской формы.

– И что? – не внял младший.

– А еще я не один в машине, а в компании другого офицера полиции.

Жора повернул телефон в сторону, и стало видно сидящую за рулем коренастую девушку-полицейского.

Эдик не смутился:

– О, Линда, привет! Прости, что сказал при тебе это слово «сука». Я тебя не видел, иначе, поверь, никогда бы не сказал «сука»! Я бы вообще при тебе о *суках* не стал говорить!

– Да пошел ты, маленький гаденыш, – усмехнулась в ответ Линда, не отрываясь от дороги.

Жора поспешно отвернул камеру. Похоже, он был единственным, кто чувствовал дискомфорт, когда ругались матом в присутствии людей в форме. Зная напарницу и брата, он запросто мог предположить, что их словесная перебранка может затянуться, поэтому сразу перешел к делу, спросил покровительственным тоном:

– Давай, жалуйся уже, чего там у тебя опять случилось?

Линду никто из них не стеснялся, поэтому говорили запросто, начистоту. Напарница у Жоры была «своей в доску девчонкой».

Эдик вздохнул и начал:

– Стучилось. Еще как! Ты можешь сейчас ко мне заскочить?

– Вообще-то нет. До вечера не получится. У меня смена только в девять заканчивается.

– Слушай, брат, тут реально проблемы. Помог.

– С законом? Проблемы с законом?

Жора напрягся, и Эд поспешил его успокоить:

– Нет, конечно! Ты что!

– С бандитами? Тебя ограбили? В аварию попал? Говори, что случилось?

– Успокойся ты, в этом плане все ровно. Просто не телефонный разговор.

– А до вечера подождать твой «не телефонный разговор» может?

– Не знаю.

– Хоть намекни. Не хочу из-за тебя оставшиеся пол дня нервничать.

– Да все в общем-то нормально. Это с Никой связано... Просто... Я ее люблю, но она ужасно тупит! Короче, я люблю дуру. Она совсем дура, то есть, полная идиотка! В этом и...

– Конечно, дура она и есть, – оживленно вмешалась Линда, – твоя Вероника стала ей в тот день,

когда тебя, прыща малолетнего выбрала, а Жорику не дала. Обломился наш Гоша, а ей всего-то и надо было...

– Эй, ну хватит уже, – прервал Жора потоки откровения участливой напарницы, и дальше ответил брату, – Она не дура, успокойся. Давай так, после смены я к тебе заеду, все обсудим. Потерпишь до вечера?

Эдик нехотя согласился:

– Хорошо. Просто, знаешь, стрёмно как-то. Ту ведь еще кое-что. Страшно мне, *браса*, понимаешь? Ладно. Ты, это... Спасибо, в общем.

Еще помолчали немного, а потом разъединились.

Запись четвертая

Чтобы идти в ногу со временем, продвинутый полицейский участок, к которому был прикреплен Жора, ввел обязательное использование нагрудных камер. Теперь при задержании или просто в любой непонятной ситуации необходимым стало использование полис-рекордеров. Ну и пока нововведением как следует не наигрались, включалась эта безделушка всякий раз, по поводу и без.

Когда появилось изображение, почти сразу же раздался сдержанный голос Жоры:

– Старший лейтенант Георгий Шуст. Прибыл после окончания рабочей смены по частному делу к Эдуарду Шусту, по адресу: Подъездная-7, квартира 50. Он звонил мне ранее, был взволнован и чем-то напуган. На последующие звонки ближе к вечеру он уже не отвечал. По прибытию на место я обнаружил квартиру открытой. Принял решение включить запись. Захожу внутрь.

После этих слов изображение видеорегистратора изменилось от вида приоткрытой двери на темень коридора и далее самого жилища Эдика. По мере продвижения появлялись все новые детали интерьера: узенькая прихожая, гостиная с остатками какого-то невнятного ужина на тумбочке, включенный телевизор, далее пустая спальня с разбросанными вещами, мало опрятный туалет с ванной и захламленная грязной посудой кухня. Все. Эда нигде не было. Постороннему наблюдателю могло бы показаться, что ранее в квартиру проникли воры и перерыли тут все, а может и полиция приходила с обыском. На самом же деле, и Жора это отлично понимал, такой бардак для его брата являлся нормой даже тогда, когда здесь появлялась Вероника. Хоть Эдик и его девушка встречались достаточно долго, все же еще не съехались. И Эд не успел попасть под женский контроль, а значит, еще *было* время для вольного толкования «чистоты» и «порядка».

Жора еще раз все обыскал, уже для того, чтобы найти хоть какие-нибудь подсказки, типа

рекламки с новой забегаловкой за углом или флаера с доставкой пиццы. Но нет, ничего такого найти не удалось. Регистратор оставался включенным и записывал дальше.

Жора присел на тумбочку перед телевизором. И прежде, чем отключиться, его нагрудная камера запечатлела длинный рекламный блок, идущий с «Ю-Тьюба». Там какая-то ортодоксально устаревшая в зародыше женщина «брежневских» времен вещала елейным голосом, а за ее спиной, будто прогноз погоды, менялось изображение под стать телетексту.

– Отель «Туманная Гора», лучшего места вам не найти! – рассказывала чудная тётенька, – Сюда съезжаются только самые талантливые и неординарные исполнители «этно-фолка», а также музыканты, для которых звуки – нечто большее, чем просто набор нот! «Туманная Гора» расположена всего в нескольких часах езды от северной столицы, и какая благодать! Кристально чистый воздух, высокие горы, огромные сосны, а в реках с прозрачной, как слеза, водой полно форели! Никакой цивилизации! Нет суеты и наносного быта, только натуральное и настоящее! «Туманная Гора»! Идеальное место, если вы решили отключиться от проблем и забот города. Добро пожаловать в прошлое, золотой век музыки. Наши двери открыты всем тем, кого гложет ностальгия по далеким 80м и 90м. «Туманная Гора», сюда можно лишь войти, но выйти – уже никогда! Именно так! «Туманная Гора» останется в вашем сердце навсегда! Посетите наш ежегодный фестиваль! И вы не пожалеете! Приезжайте, мы ждем вас! Холодное свежесваренное пиво местной броварни и зажаренная до хрустящей корочки оленина – в лучших традициях...

Жора отключился.

Глава первая

Прошло полгода.

Когда отшумели дожди августа, и в настроении улиц появился слякотно-морозный сентябрь пыльных машин и хмурых прохожих, Вероника окончательно решила для себя, что все кончено. Любви нет, счастья нет и жизнь – всего лишь дразнящая химера, в конце которой единственно правильный выход, смерть.

Животик Ники округлился до аккуратного шара и грудки увеличились в размере, приобретая тугую спелость. На ее худой фигуре эти естественные изменения казались окружающим прекрасным символом будущего материнства. Ей же самой такой расклад не приносил ничего, кроме постоянной подавленности духа и ежеминутного напоминания о бесследно пропавшем отце ребенка. Первые пару месяцев после того, как Эд исчез, она долго плакала в подушку по ночам, потом начала рыдать в голос и лезть на стены. В такие моменты соседи неизменно вызывали скорую. Та приезжала, что-то колола, успокаивала, объясняла, давала направления к психиатрам и

уезжала. Через сутки или двое все повторялось по-новому. Когда срок беременности приблизился к семимесячной отметке, Вероника впала в ступор. Рыдания закончились, терзания себя за то, что, не нужно было врать и «залетать по-тихому», перешли из активной фазы самобичевания в пассивную ненависть к самой себе.

Вероника коротко постриглась и покрасила волосы в черный цвет. Она перестала ходить в салоны красоты и модные бутики, почти забросила маникюр. Хотела свести жизнерадостные веснушки со своего лица, но не нашла подходящего способа, оставила, как есть. Начала курить и смотреть по вечерам дешёвые сериалы для неудачниц.

А еще ей стали сниться кошмары, которые вовсе не пугали, а наоборот, как в негативе, казались успокоительным средством. Если в конце сна, под утро, она умирала, то просыпалась почти счастливая, хоть и измучанная, обессиленная, влажная. Сначала на нее без конца падали, протыкая насквозь, сталактиты в какой-то далекой пещере с водой и сквозняками. Затем за Никой ползли змеи, и она бежала от них по еле заметной лесной тропинке, а ядовитые гады всё жалили без конца, подбираясь как можно ближе к паху. Потом на смену смертоносным рептилиям пришли огромные мокрые псы, которые насиловали Нику ночами напролет, и если она пыталась сопротивляться, то яростно разрывали девушку на куски.

Однажды Ника увидела себя под плотными струями воды в душевой кабинке с огромным ножом в руках. Она не понимала, снится ли ей это или происходит наяву. От того кошмар становился еще более реалистичным и завораживающим. Раньше, до всех этих событий, она обожала заниматься мастурбацией в душе. Не стыдилась этого, говорила открыто в соцсетях и на частых вечеринках, уделяла собственному телу много внимания. Но теперь от одной лишь мысли о членах становилось тошно. Абстрактные фантазии и открытые странички порно-сайтов неизменно и почти сразу приводили к воспоминаниям об Эдике, о его запахе, о его руках, о его ласках... И тогда к тоске невосполнимой утраты добавлялось отвращение и неприятие реальности. К горлу подступала тошнота. Очень скоро в своем компьютере Ника поставила блокировку «18+» от себя самой же так, чтобы даже при поиске в интернете словосочетаний типа «мокрые киски» или «бодрые члены» появлялись лишь упавшие в воду котята или утренние депутаты государственной думы.

Вероника стояла под душем и смотрела на капли, барабанившие по лезвию, еще не зная, куда именно вонзить нож. Вариантов открывалось немало.

А потом кошмары все-таки закончились. Сны перестали приходить в ее голову. Совсем. Зато появилось безволие и депрессивная тоска, не утихающая ни на миг.

...

– Чего трубку не берешь? – раздалось откуда-то сзади.

Ника даже не сразу поняла, что обращаются именно к ней. На крыше девятиэтажного дома, где она сейчас курила, обычно никого не было. Никто не знал об этом месте. Укрытый уголок между выводящим блоком кондиционеров и невысоким парапетом у края с хлипкой оградкой – хорошее место, чтобы наблюдать за потоками машин там, внизу, искать потерянные чувства на закате и думать о несбывшемся с сигаретой в руке.

Рядом с Вероникой появилась подруга Эльза, такая же веснушчатая и молодая, но ни капли не беременная. Ника спросила ее отрешенно, в пол-оборота:

– Как ты меня нашла?

Эльза с готовностью ответила:

– Сперва я тебе позвонила три тысячи раз. Потом поехала к тебе домой. Долго стучала в дверь. Открыла соседка из квартиры напротив. Милая, кстати говоря, старушка. Так вот, она сказала, что теперь ты почти каждый день сюда ходишь.

– А откуда она знает?

– Откуда я знаю, откуда знает она?! В общем, если захочешь опять спрятаться, ищи новое место. Тебя раскрыли, девочка моя.

С этими словами Эльза выхватила у подруги сигарету и выкинула за парапет. Окурок полетел вниз. Ника встрепенулась:

– Эй, ты чего делаешь? Я еще не докурила?

– Что я делаю? – глаза Эльзы округлились, – Это что ты делаешь?! Если заказчики узнают, то откажутся от сделки, совершенно точно! В контракте черным по белому написано: не курить и не пить!

– Мне все равно.

– Да. Я вижу.

– А какая разница? – Вероника отвернулась, уставившись в раскинувшийся перед ней серый город, – Не хочу этого ребенка. Пусть его заберут прямо в род. доме, и я больше никогда его не увижу. Так что здоровье младенца – не моя проблема. Пусть будущие родители с этим и справляются. А мне все равно.

Эльза мягко развернула подругу к себе и сказала с упреком:

– Не пытайся казаться циничной, тебе не идет. И не умничай, глупо выглядишь.

– Надо было аборт делать, – пробурчала в ответ Ника, но поддержки так и не нашла.

Эльза отрицательно покачала головой:

– Ну, провтыкала ты. И что? Просто смотри на это с позитивной стороны. Не хочешь ребенка?

Не вопрос! Выноси его, выстрадай, роди и продай. А потом купи наконец себе машину, слетай в Египет или Турцию, устрой космический шоппинг на честно заработанные деньги! Только не смей впадать в депрессию, слышишь?! *Он* нè вернется, смирись.

Губы Вероники слегка дрогнули, она была готова вот-вот расплакаться, но все же сдержалась:

– Ты так говоришь, будто Эд... бросил меня... к другой ушел... или просто бросил... Но это не так, поняла? Он умер! Я чувствую. У меня с того самого дня кошмары снятся почти каждую ночь. Не о нем конкретно, но я все равно знаю, он мертв...

– Тела так и не нашли, так что давай не будем делать утвердительных умозаключений, основанных только на твоих снах и всяких там черных домыслах. Как там сказали в полиции: «нет тела, нет дела»? А что это значит? А это значит, Никуля, пропавший без вести умершим считаться не может!

– Эд любил говорить, что только смерть разлучит нас...

– Ну вот, опять начала. А ты не думала, что твой любимый Эд так сильно испугался ответственности, что просто свалил далеко и надолго. Он всегда был с причудой. На кого он там учился, не забыла? На режиссера, детка! А у них у всех в голове тараканы. И не простые, а самые, мать их, огромные мексиканские тараканища! У него ж воображение непомерное! Вот и придумал себе драму. Короче хватит уже слезы лить! Живёхонек твой мудака!

– Перестань, Эльза! – не сдержалась Вероника, срываясь в крик.

Градус беседы поднялся до пред-скандального, и кто знает, чем бы все закончилось, если бы на крыше не появился еще кое-кто.

К подружкам подошел Жора. Теперь он был одет не по форме, а в штатское: джинсы, ковбойка, кеды. Молодого человека заметили только тогда, когда он буквально стал за их спинами.

– Привет, Ника, – дружелюбно произнес Жора.

Обе девушки тут же обернулись, и Вероника зло процедила сквозь зубы:

– Ага, а вот и соседка-старушка, которая меня выследила.

– О чем ты? – не понял Жора.

– Это же ты меня сдал?

– Вовсе нет. Никого я не сдавал, – спокойно ответил Жора и кивнул подруге, – Здравствуй, Эльза.

– И тебе не хворать. Как сам?

Жора неопределенно промычал и продолжил, обращаясь к Нике:

– Я звонил, ты не брала трубку. Подумал...

Та его перебила:

– Всё в порядке. И если до вас двоих не дошло, то я просто хотела побыть одна.

– Меня твоя мама послала. Обещал привезти, как только найду.

– То есть, побыть наедине у меня сегодня просто нет шансов, так что ли?

– Ни единого.

Вероника раздраженно вздохнула, переступила с ноги на ногу и заложила руки одна за одну:

– Мама, значит?

– Да.

Ника фыркнула и, больше не произнеся ни слова, направилась к двери выхода. Жора заторопился следом, бросив на ходу оставшейся стоять Эльзе:

– Пока, подруга.

В ответ раздалось такое же скомканное:

– Бывай, дружок.

Когда двое покинули крышу, Эльза достала из нагрудного кармана собственную пачку сигарет и неспешно закурила, облокотившись о ненадежные перила.

За окном пролетали мутные от мороси улицы промозглого осеннего города, решившего не впадать в спячку, а окончательно добить настроение. В мчащей по мокрому асфальту машине Вероника сняла обувь с прилипшими к подошве грязно-бурыми листьями и попыталась закинуть ноги в коротеньких носочках на панель, как это делала много раз раньше, но на этот раз не получилось – совершенно определенно мешал непомерно выросший живот. В стареньком двухдверном «Форде Бронко» безо всякой электроники сидения отодвигались вручную, и места хватило бы даже для какого-нибудь баскетболиста высшей лиги, но рычаг, увы, находился внизу, и за ним пришлось бы тянуться, а так как Ника этого сделать никак не могла в сложившейся ситуации, ей пришлось моститься, крутиться и ехать, как все, положив руки на колени. Что может быть хуже: ехать как все, страдать как все, стареть как все? Разве что, жить там же, где и все, вдыхать тот же отравленный воздух, стоять в тех же потных очередях, мокнуть под одним и тем же мерзостным нескончаемым дождем.

А еще раздражало то, как вел машину Жора. Раньше он лихо бороздил город на своем джипе с уверенностью мужчины, которому асфальт, как дельфину океан, а сейчас превратился в какого-то пенсионера: скорость не превышает, никого не обгоняет, тормозит, лишь только завидев светофор за хрен его знает сколько тысяч километров! И, главное, смотрел бы себе на дорогу, раз уж стал таким занудой, так нет же, все на нее, на Нику пялится, а она это замечает, и еще больше злится.

– Ты можешь на меня не тарашиться каждые пять секунд? Говорю тебе, я в порядке, серьезно.

И Жора лишь вздыхает в ответ, старается больше не смотреть на спутницу до самого дома ее родителей.

– Спасибо тебе огромное, Гошенька, – сказала добродушная мама, подливая в фарфоровую чашку гостя горячий зеленый чай из цилиндрического заварника, похожего на стеклянный шприц, – С того момента, как... это случилось, не прошло и дня, что бы ты оставлял мою дочь наедине. Ты так добр к нам, Георгий. Вы ведь с Эдиком были совершенно разные...

– Мам, – произнесла Вероника с мольбой в голосе, так и не подняв головы.

– Ну что вы, Надежда Вячеславовна, – ответил Жора тихим, но твердым голосом, – вы мне как семья. Что бы не случилось, я всегда буду рядом, вы же знаете.

В гостиной у стола под старомодным абажуром повисла неловкая пауза. Ника принялась шумно размешивать серебряной ложечкой давно растворившийся сахар в чашке.

– Ой, – спохватилась мама Вероники, – Я же испекла яблочный пирог! Когда Никочка была маленькая, она ничего другого вообще не ела, только яблочные пироги! Доченька, ты помнишь?! Я принесу! – сказала и тут же заторопилась на кухню.

Жора заметил, что Ника опять вот-вот расплачется, и бережно взял ее за руку. Девушка подняла на него свои большие влажные глаза, а затем деликатно высвободилась.

Вечерело. По дороге обратно, к дому Ники, «Форд Бронко» несся чуть более несдержанно, но все же не так быстро, как раньше. Жора молчал. Он не смотрел на сидящую рядом девушку, лишь внимательно следил за трассой. Но для Ники это красноречивое безмолвие говорило больше, чем любые слова. Ника вспомнила, как много лет тому назад они познакомились и улыбнулась, впервые за долгое время.

Это был чей-то день рождения. Пили в грохочущем роком ирландском пабе «Стена» вместе с девчонками, без парней. И как это часто бывает после полуночи, когда разогретые ромом и музыкой молодые тела срываются в отрыв, подруги, не сговариваясь, решили найти себе романтику. Кто к кому подошел первым, уже не вспомнить. Двое вроде бы и не знакомились даже. В памяти будто вспышка, и вот уже Ника страстно целуется с привлекательным спортивным парнем по имени Жора. Она впивается в его губы и с силой прижимает юношу за мускулистые ягодицы к своим бедрам. Парень смеется, будто от удивления: разве по-настоящему красивые девушки могут себя так требовательно и вызывающе вести? Они лишь позволяют собой восхищаться на расстоянии. Но это не про Нику. Никаких расстояний, никаких «стопов». Она вовсе не считает себя легкодоступной бабочкой-шалашницей, и ее список половых партнеров значительно короче среднестатистического, но все же иногда, крайне редко, она позволяет себе

стать неистойой. Вероника великолепно знает себе цену, а еще она обожает шокировать мужчин. «Еще рома!» Усмешка красавчика, чье имя она пока не запомнила, для нее звучит шальным вызовом. На «слабо» никто не берет, но этот парнишка даже не подозревает, что прямо сейчас может оказаться на седьмом небе от счастья! «Может, выйдем на свежий воздух, покурим?» В темной подворотне за пабом безлюдно, сыро, но не холодно. Стены вибрируют от гулких басов музыки внутри. Играет «I'm Shipping Up To Boston» ... Нет, не так. Валит вовсю, что есть мочи «I'm Shipping Up To Boston»!! Вы когда-нибудь слышали Dropkick Murphys? Нет? Тогда что бы вы сейчас не делали, чем бы не занимались – прервитесь, найдите в сети и врубите на полную. Серьезно. Без шуток. История подождет. Две минуты и тридцать пять секунд – не большая плата за то, чтобы понять, что такое адреналиновое возбуждение и кристаллы секса в атмосфере хоть бы и на интуитивном уровне. Это нужно услышать хотя бы раз в жизни: «I'm Shipping Up To Boston».

...

Где-то проезжает машина. Совсем неподалеку проходит шумная компания. Сперва Ника хочет сделать *это*, опустившись на колени, но передумывает – слишком людно. А вот зато рукам дает полную свободу, прижимается к юноше как можно плотнее, жадно целует его в распухшие губы и открытую шею, тихо стонет.

– Хочешь меня? Тогда найди завтра утром! Я пью колумбийский черный кофе из зерен, без сахара и сливок, – говорит она глухим от страсти голосом. Ника заведена до предела, она пьяна и уже не только от алкоголя. Сейчас ей нужен секс так, что аж скулы сводит, но она знает, что делает. Этот парень понравился ей по-настоящему. Он из тех, с кем наверняка будет приятно и *после*. Поэтому, когда до Хеппи энда остаются считанные секунды, Ника отрывается от юноши, делая над собой неимоверное усилие воли, и убегает, оставляя Жору с полуопущенными штанами, стояком и полным непониманием.

– погоди! Куда ты?! Как же я тебя найду? – кричит он вдогонку, не решаясь броситься за ней. Но ответа не получает.

На следующее утро, когда Ника и ее головная боль зависают в молодежной кофейне, возле заведения останавливается еще не успевший постареть «Форд Бронко», из которого выходит вчерашний молодец. Не постижимо, но факт. Жора нашел ее. Как?! Вероника шокирована и искренне рада. Красавчик с вечеринки оказывается еще более привлекательным в свете дня: сдержанный, галантный и совсем не в обиде за легкое «динамо» у вчерашнего ирландского паба. Они недолго болтают ни о чем и договариваются встретиться вечером в парке отдыха. Ника приходит раньше на целый час, предвкушая незабываемо крутое свидание, но Жора уже там. Он играет с друзьями в баскетбол на спортивной площадке, не замечая ее. К девушке приближается

небритый молодой человек, очень похожий на Жору, только более худой и явно моложе, говорит, словно они с ней знакомы тысячу лет:

– Ничего себе! Это к кому ты такая нарядная пришла?

Так Ника знакомится с братом красавчика... Так Ника встречает Эда...

Машина остановилась у самого подъезда, возвращая из приятных и одновременно тоскливых воспоминаний в дождливую реальность сентября. Жора продолжал хранить молчание. И тогда Ника наконец произнесла, будто продолжила вслух начавшийся ранее немой диалог:

– Послушай, я в конце концов беременна.

Жора отозвался, так и не взглянув на нее:

– Я ни на чем не настаиваю.

– А, по-моему, ты именно это и делаешь.

После возникшей паузы Жора продолжил, но уже не с упреком, а с искренней горечью:

– Мне тоже его не хватает. Он мой брат. Но разве можно сердцу приказать? Я бы мог сделать тебя счастливой, Вероника, если бы ты захотела.

– Знаю, – ответила она и наконец расплакалась.

Слезы весь день стояли комом в горле, и теперь все-таки вышли наружу. Ника заметила полные отчаяния глаза Жоры, и на смену тоске пришла злость:

– Что смотришь? Хватит меня жалеть! Дверь открывай! Я выйду.

Ночью сон не шел, и Ника решила позвонить Эльзе. Та, хоть и было начало двенадцатого, примчалась через полчаса с бутылкой красного сухого (исключительно для себя) и целым ворохом готовых на всё ответов.

Сели на кухне: одна с бокалом терпкого вина, другая с небольшим ведерцем ванильного мороженого. Курить хотелось обеим, но пока держались.

Эльза нетерпеливо спросила:

– И что ты решила?

Ника ответила:

– Не знаю. Он действительно хороший человек, и я практически уверена, все сделает, что бы я была счастлива.

– Вот и замечательно! Слушай, ну правда, жизнь ведь не закончилась.

– Понимаешь, Жорик весь такой правильный. В самом начале он таким не казался. Но потом как-то отбило желание, когда я узнала его поближе. Ты же в курсе, мне такие никогда не

нравились, в плане, как мужчины.

– О, поверь, он далеко не святой!

Эльза многозначительно закивала головой. А вот это показалось интересным. Неужели...

– Да, ладно?! – восхитилась Ника.

Эльза сделала большой глоток из бокала и расплылась в хитрой улыбке:

– Да, именно.

– Ты с ним переспала? Вот это поворот! Почему я не знаю?

– А тебе что, последнее время было дело еще до чего-то? Или кого-то? Хотела тебе рассказать, так ты же повода не давала. Вот, теперь рассказываю.

– И что-о-о? – растянула Ника, увлекаясь неожиданной темой.

– Думала, потом неделю ходить не смогу, – Эльза наигранно скривила свой слегка курносый носик и продолжила, – Таким членом и убить можно! В умелых руках, скажу тебе, смертельное оружие!

Об особенностях знакомства Ники и Жоры лучшая подруга конечно же знала, от того так и пошутила про «умелые руки». Еще и жест, до пошлости непристойный, сделала.

И тогда Ника рассмеялась самым настоящим образом. Не через слезы, и не с грустью, а весело и очень заразительно. Как раньше.

– Ну ты даешь, Эльза! Ты занималась с нашим «Капитаном Америкой» потрахушками! Быть такого не может!

– О-о, ты уже смеешься? Супер!

– Рассказывай давай!

– Так, а что? Было и было. Одна ночь. А потом он ушел. Без продолжения. Понимаешь, с Жориком одна проблема: ему никто кроме тебя не нужен. Он любит только тебя, и все. Конец истории.

Обе немного помрачнели и задумались. Вероника тяжело вздохнула:

– А что, выйду за него замуж, рожу и уже никому ребенка не отдам. Пусть заказчики идут лесом. Жора – полицейский, а у копов, вроде, зарплаты нормальные. Будем жить. А потом, может, опять в кого-нибудь влюблюсь. Но уже под старость.

– Ну, зачем так, «под старость?» Можно и пораньше. И не обязательно в кого-то. В Жору и влюбись! По-моему, отличный вариант.

Девушки опять замолчали, погружаясь каждая в своё.

Ника достала из кармана спортивок пачку начатых сигарет. Эльза попробовала воспрепятствовать, но передумала: если сейчас Ника закурит, значит твердо решила послать

заказчиков подальше.

Вероника неспеша чиркнула спичкой, зажгла сигарету, поднесла к губам и с наслаждением сделала первую затяжку, выпуская в потолок густой сизый дым. Эльза, в которой уже успела засесть пьянящая половинка «Совиньон», с решимостью вселенской грешницы последовала примеру Ники, и тоже закурила. О вреде никотина, как о меньшем из зол, сейчас никто из них не думал.

Глава вторая

Запись пятая

Жора включает камеру лэптопа на письменном столе:

– 22е сентября, пятница, вечер. Наш психолог говорит, необходимо записывать мысли в дневнике, а еще лучше на видео. Но я все-таки с ним не соглашусь – не очень-то помогает, и это, по-видимому, последняя запись. Прошло пол года. Все стало только хуже. Эд пропал, и, если честно, я понятия не имею, где он. Поиски ничего не дали. Вообще-то, в его духе, чуть что, сразу убегать. И если раньше мне его очень не хватало, то сейчас я просто крайне зол. Черт, говорю же, все эти блоги – только трата времени... Вероника... Я так больше не могу. Наверное, проще застрелиться, чем не думать о тебе. Когда вчера мы прощались у твоего дома, ты так посмотрела, по-особенному, что я вдруг четко осознал: ты никогда не полюбишь меня. И самое большое, на что могу надеяться, это на твою жалость. При таких раскладах пуля в висок и вправду лучшее решение, – по щекам Жоры начинают течь слезы, – Только вот нет, я не сбегу. Не я! И никаких самоубийств не будет. В конце концов, знаешь, у меня тоже есть гордость. Я офицер полиции, а не пацан какой-то. Да уж. Все, Ника. Надо жить дальше. В мире есть и другие женщины...

В этот момент звонит телефон. Жора смотрит на мобильник и, не веря собственным глазам, утирает слезы, тут же отвечает на вызов. Камера остается включенной. Что говорят на другом конце – не известно, но голос Жоры звучит твердо:

– Привет! Только что о тебе думал... Что, прости?

Проходит минута, Ника, а это именно она, что-то говорит и говорит в трубку, и суровое лицо Жоры постепенно меняется: становится крайне взволнованным, потом удивленным, затем каким-то по-детски счастливым. Он слушает, плотно сжав себе рот рукой, чтобы ничего не сказать или ничем не выдать волнения. А затем, так ничего и не ответив, кладет трубку и, спохватившись, выключает лэптоп.

Конец записи.

В это время где-то на другом конце города в однокомнатной квартирке Ника уместилась на уютной кровати, полусидя разглядывая экран айфона. Когда телефон погас, она с загадочным видом отложила его в сторону, с трудом поднялась, придерживая живот, и подошла к большому зеркалу. Стала рассматривать себя со всех сторон. Впервые за долгое время ее беременность не казалась чем-то пугающе-чуждым, обрекающим на безнадежность. Ника разгладила ночнушку на бедрах, оценила в ладонях тяжесть значительно прибавивших в весе груди и усмехнулась, вспомнив, как когда-то смотрела в это же самое зеркало и чуть не срывалась в истерику от того, что из-за слишком маленькой груди ее никогда не полюбят мальчики. А еще вспомнила, как уже совсем в детском возрасте думала, что из зеркал приходят люди из параллельных вселенных. От этого на душе потеплело и захотелось пепси.

По дороге на кухню в прихожей она захватила с тумбочки почту. Решила перебрать письма за поглощением второго ужина, то есть, пожирая не нарезанную докторскую колбасу и запивая ее колой из пластиковой бутылки.

– Так, посмотрим, – пробубнила Ника сквозь набитый рот и стала откладывать корреспонденцию одну за одной.

Дешевая бесплатная газетёнка с рассылкой всякой ненужности, флаер, приглашающий в модный суши-ресторан, счет за свет и воду, два больших одинаковых конверта без обратного адреса. А вот это любопытно.

Ника запихнула в холодильник остатки докторской и колы, и вскрыла первый из конвертов. На ладонь выпала маленькая плоская флешка – мини-диск на 64 «гига», такие еще вставляют в фотоаппараты или ручные камеры для любительских съемок. Затем развернула конверт пошире. Ничего. Странно. Хотя, мало ли, может, вообще, адресом ошиблись? Прочла надпись на флешке, сделанную мелкими буквами от руки: «Эдуард Шуст», и села на стул, потому что непослушные ноги внезапно подкосились. В груди ухнуло так, что Вероника чуть не потеряла сознание. Тут же появилось ощущение невесомости, и сердце сорвалось в галоп. Малыш в животике ощутимо ударил пяткой. Ника, не соображая, что делает, шлепнула его в ответ, чтобы не мешал думать. В висках вместе с бешеным пульсом вертелось: «Он жив, он жив, он жив...» Ника еще раз посмотрела на надпись, не померещилось ли? Нет, все по-прежнему на месте – «Эдуард Шуст» мелким почерком.

И тогда она кое-как поднялась, и по стеночке, по стеночке пробралась в комнату, дрожащими руками включила компьютер, вставила мини-диск в специальную узенькую щель. Мигнуло, тихонько зажужжало. Нику бросило в пот прежде, чем появилось изображение. Неприятные холодные капли побежали по спине и от подмышек по бокам. На лбу выступила испарина.

Наконец в компьютере открылась новая папка, а в ней столбик из нескольких видеофайлов. Ника сразу же кликнула на первый сверху, так и вперившись в монитор.

Запись шестая

Семь месяцев ранее.

Квадратная «Гоу-прошка», компактная камера, прикреплена к штативу на присоске к лобовому стеклу допотопной «Мазды». Эдик ведет свою машину по загруженным улицам города, то и дело щурясь от бьющего в глаза солнца.

– Привет, малыш, – говорит Эд, – знаешь, не хватило у меня духу сказать тебе в лицо, и, получается, я опять убегаю от проблем. Но это реально не легко. Пойми, я просто не готов ко всему этому. Ты беременна. В смысле, ты беременна!!! Это не укладывается в голове. Что ты придумала вообще? Жениться?! Это же бред! Так рано нельзя! Короче, мне надо обо всем этом подумать. И знаешь, скажу тебе честно, все было бы намного проще, и мы бы сейчас сто пудов расстались бы, если бы не одно «но». Одно такое жирное «НО». Ника, я тоже тебя люблю. И это все меняет. Не представляю, как без тебя жить. В общем, дай мне пару дней. Перезлюсь, обо всем подумаю, как разрулить, и приеду. Я тут одну рекламу посмотрел. Короче, есть место, отель в глуши, никакой цивилизации и все такое. «Туманна Гора» называется, это на границе с Карелией, не так уже и далеко, если подумать. День туда, день обратно. В общем, сгоняю на выходных, побуду наедине с самим собой, а в понедельник или скорее во вторник вернусь. Ну а там видно будет... Вау!

Последнее «вау!» Эд говорит не в камеру, а уже глядя куда-то на дорогу. Через мгновение продолжает:

– По ходу, там авария какая-то. Ладно, давай сделаем паузу. Пара дней, обещаю, не больше. Дай в себя прийти.

Эд протягивает руку к камере, чтобы выключить. Картинка замирает.

Ника не сразу поняла, что запись остановилась на последнем кадре, так и сидела, прислушиваясь к бешено колотящемуся сердцу, и всматриваясь в замершее изображение.

Когда раздался звонок в дверь, она чуть не подпрыгнула от неожиданности. Ей на миг показалось, что вернулся Эд. Сумасшедшая, конечно, мысль, но, с другой стороны, эти видеозаписи, разве они не такое же безумие? Вероника подорвалась с места и побежала к двери в надежде на чудо.

Дверь широко распахнулась, на пороге появился Жора. Он смотрел на Веронику и

сконфуженно улыбался.

– Привет... То, что ты сказала по телефону... решил приехать... Я всё прекрасно... Может, тебе не стоит торопиться и... хотя... – наконец он заметил крайнюю степень взволнованности на лице Ники, и спросил, перебивая и без того несвязную собственную речь, – Что... случилось?

– Эд...

– Кто?

– Там Эдик, – Ника указала дрожащей рукой в сторону комнаты.

– В каком смысле?

Запись седьмая

Эдик стоит рядом со своей машиной у обочины неширокой ухабистой дороги и держит «гоу-про» на длинной выносной палке-штативе для лучшего обзора панорамы. Внизу, и это видно в объективе, распростёрлась бескрайняя долина озер, камней и мха, в то время как Эд остановился на одной из стоянок пологого серпантина.

– Эй, братишка! Я тебя не дождался немного, и не перезвонил. Ну, извини. Зато оставил пиццу. Надеюсь, ты перекусил после смены? – Эд смеется, – Ну да, можешь назвать меня засранцем. Просто тут уже не ловит нифига. Горы не самые высокие, конечно, но зато тут так красиво, что просто дух за гланды! Вот, смотри! – крутит камерой во все стороны, – Вон там гора Кивакка, пятьсот метров над уровнем. На вершине есть озеро, прикинь! А еще тут всякие болота! И это не фигура речи. Я проезжал табличку. На обратном пути заеду, посмотрю, что за хрень такая. До места пилить еще два часа, не хочу особо останавливаться, что б потом по темени не ехать. А как доберусь, обязательно позвоню. Обещаю. Я тут это, Нике видосики оставляю на камеру, снимаю все подряд. Подумал, тебе тоже чего-нибудь запишу. Короче, брат, проблема, о которой я тебе хотел рассказать, на самом деле не такая и страшная. Моя девушка слегка беременна. Ну, как слегка? То есть, совершенно и абсолютно! На две полоски, ты представляешь?! И не то, чтобы я против. Но и не очень-то «за». В общем, такие дела. Жорик, ты лучше посмотри, – опять показывает красоты, – Скажи, здорово?! Пол дня торчал в трафике, а тут вообще никого! Никаких машин. Людей тоже нет. А солнце жарит, прямо как взбесившийся «светик»! В городе духота и слякоть, а тут еще с зимы холодно и кое-где даже снег есть! Это ж по карте север! Ладно, тут быстро темнеет. Поеду. Давай, Гош, короче, до скорого. Обнял.

Изображение застыло. Жора спросил Нику холодным, непроницаемым тоном:

– Откуда у тебя это?

– Пришло по почте без обратного адреса. В конверте была флешка и больше ничего, – ответила Ника.

– Это единственное видео?

– Нет, еще есть! Но я пока не успела посмотреть.

– Тогда включай.

Щелкнул пробел. Открылся следующий файл.

Запись восьмая

На небольшой уютной сцене играет рок-бэнд. В свете старомодных маломощных прожекторов двое длинноволосых мужчин среднего возраста виртуозно и в унисон перебирают струны акустических гитар. Чуть позади, рядом с барабанной установкой и самим барабанщиком, «зажигает» толстощекий басист. Судя по всему, запись началась не сначала песни. Перед микрофоном стоит, прикрыв глаза в экстазе, рослый мужчина. Он уже не поет, а лишь добавляет к слаженной музыке, льющейся из колонок по бокам, безупречно отрепетированное и воспроизведенное соло на электрогитаре. Звучит загадочная, прекрасная, вечная композиция «Hotel California», будоражащая умы многих поколений.

Через какое-то время камера поворачивает от рок-группы к погруженному в полумрак холлу гостиницы, где все же можно разобрать лица сидящих за грубыми дубовыми столами людей. Кто-то пьет чай, кто-то застыл со стаканом виски. Но абсолютно все они увлеченно смотрят на сцену. Эдик восторженно шепчет прямо в объектив:

– Ты слышишь? Они «Eagles» валят один в один! Даже еще круче! И я тут уже кое-кого знаю! Вон тот – Микко, – Эд указывает кивком головы на солиста, а затем дублирует изображением всех, кого представляет далее, – перед сценой, за тем столиком, видишь, компашка? Полненькая женщина? Руфина, девушка Микко. Они карелы, типа, местные жители, – изображение идет по кругу, Эд продолжает шептать, – там, у стены, мужик с усами как у Марио, это Игнат-дальнобойщик. А рядом с ним Имппи.

«Go-рго» на секунду задерживается на смуглой девушке азиатской внешности: раскосые глаза миндалевидной формы, густые черные волосы, ниспадающие почти до пояса, худенькая шея и тонкая талия, но полная грудь и округлые бедра под национальным длинным платьем с меховой оторочкой.

– Она из Сибири. Имппи эвенка, прикинь! Она играла на такой штуке, что в рот вставляется. И пальцем дергать надо. Варган. Я, кстати, так их и знаю по именам: каждый, кто на сцену выходит, представляется. А еще вон там хозяин «Туманной Горы» Йона и его внучка Хильма. Да, да, знаю, о

чем ты думаешь. Имена у здешнего народца – мозг разломать. Зато прикольно. Не то, что у наших: что ни рожа, то «Сирòжа».

Слова у Эда заканчиваются, но остаются эмоции, и поэтому он опять направляет камеру на сцену, откуда все еще доносится великолепный мотив, повторенный и умноженный несколькими гитарами одновременно, обрамленный ритмом бархатного баса и деликатными барабанами.

Вместе с последним аккордом заканчивается и видеофайл.

Запись девятая

Несколько часов спустя. Полумрак холла заменяет мягкий медовый свет, льющийся из-под низкого потолка с деревянных колёс-абажуров, стилизованных под охотничьи тысячесвечники. На сцене никого уже нет, но из колонок по-прежнему доносится музыка: какая-то очень знакомая песня из прошлого, что-то про зеленую траву и синее небо Алабамы. Камера стоит прямо на столешнице, а перед ней – полупустая массивная стеклянная кружка объемом по меньшей мере в литр, в которой оседает золотое пиво с еще не успевшей сойти белой пеной. Эд, слегка захмелевши, восхищенно продолжает начатый ранее блог. Вокруг за соседними столами никого нет.

– У них фестиваль тут. «Кàверы» 80х и 90х. Еще этническая. Много интересных команд. Очень круто. Шаманство, как оно есть. Сйнемно тут, кинематографично, понимаешь? и... как бы тебе сказать? Я будто сердцем почувствовал, если б... если бы мне инвесторы денег отсыпали, я про это место такой бы фильм снял! У-у-ух! Поверь! Жаль, фест почти закончился. Еще завтра день и все. В общем, захватил только краем. Прикинь, это конечно дичь полная, но в отеле нет вай-фая и интернета тоже нет. Типа, у них фишка такая, что б погрузиться в атмосферу отчужденности. Они тут реально живут, как в прошлом веке. Отель из брёвен, пару сараев, и все. А потом горы, в которых и люди-то вообще, наверное, никогда не жили; в низинах непроходимый лес с болотами, и бессчётное количество безымянных озер. Местным жителям, которые, ну, в окрестностях или типа, недавно должны были устанавливать телефонные вышки, что б связь была, так они отказались! Тут даже какой-то протест сделали или что-то вроде. Помнишь, я тебе Игната показывал? Ну, этот! У него еще усы. Он рассказал. По закону тут вообще нельзя ставить гостиницы или прочую фигню. Даже палатки нельзя. Уникальная природа, и все такое. Короче, «Туманная Гора» находится на территории национального парка, а местные, что тут построились, получается, сами себе закон, что хотят, то и делают. Карельские саамы. Это их земля, вроде индейских резерваций в Дакоте, только не так, конечно. Ну, ты поняла. В общем, малочисленный народ, вырождаются. Вот их власти и не трогают, на всякие побрякки идут. Хотя, скажу тебе, я пока тут ни одного индейца не увидел, зато

уже почувствовал прелести «дикого запада», то есть, дикого востока... Дикого восторга, – Эд смеется и продолжает, – А вообще, без «нета» капец как сложно. И все равно скажу тебе, тут полный улёт! Э-эх, позвонить сегодня не получится... Может, завтра в поселок сгоняю, там есть таксофон. Игнат говорил, это не очень далеко. А сегодня уже поздно, да и алкоголя во мне за воротник.

Эд замолкает, задумавшись, а затем произносит с нежностью:

– Ника... тебе бы здесь понравилось...

Он хочет сказать еще что-то, но его зовут. Низкий молодой женский голос звучит где-то за пределами кадра:

– Эдуард? Вы не заняты? Все готово!

Эд оборачивается и кивает в ответ, а затем торопливо произносит в камеру перед тем, как отключиться:

– Предыдущие постояльцы поздно выселились, так я здесь ждал, пока комнату убрали. Все. Пойду дрыхнуть. А здешнее сваренное пиво, скажу тебе, еще вкуснее, чем по телеку! Копец связи!

Запись десятая

В комнате с бревенчатыми стенами и небольшим, но настоящим камином царит мрак. Перепуганный Эдик снимает себя на этот раз не на камеру, а на телефон, поднеся его к лицу почти вплотную. Он сидит на широкой кровати, наполовину укрывшись толстенным покрывалом.

– Тут, блин, жуть какая-то. Пока свет горел – ничего, все нормально. В общем, умылся, разделся. То, сё. Лег спать, свет выключил. А минут через десять началось. Тут же лес вокруг. Волки выть начали. Прикинь! Я такое только по «Нэшонал Джиографик» видел. Это ж за предел! Волки! Причем, так близко. Ну, я свет обратно включил, протрезвел сразу. Сижу. Эти твари выть перестали. Третий час ночи, в отеле все спят. Хотя, кто под такое спать будет? Страшно до опупения. Как завоюют, так и в дрожь бросает! Так знаешь, чего дальше было? Мне в окно кто-то постучал. Ника! Ты можешь себе такое представить?! Первый этаж, а за ним сразу лес. И кто там – понятия не имею! У меня свет горит, за окном – нет! Оттуда сюда хорошо видно, а наоборот – нифига! Короче, я свет опять выключил, вдруг снова постучат. И камеру к окну поставил. Думаю, у этих отморожков местных прикол такой: всех новоприбывших пугать дикой природой, типа, как оно было сто лет назад. Только это никакие не волки, а люди воют. Я на такое не подписывался. Так и окочуриться можно от страха, ёпта!

Вдруг, и это очень неожиданно, Эд подскакивает на месте.

– Вот оно! Слышала?! Слышала?! Опять воют!

Он еще некоторое время снимает селфи своего перепуганного лица, а затем подносит камеру к окну, за которым лишь мрак. Никакого воя не слышно.

Телефон выключается.

Запись одиннадцатая

Снимает «Go-pro». Через двойное оконное стекло почти ничего не видно, лишь смутные тени в ночи и легкое шевеление на ветру верхушек старых сосен. Нижняя часть рамы находится в полном расфокусе, от того нерезкое изображение долгое время скрывает одну важную деталь, и пока нет никакого движения – деталь остается не замеченной, как вдруг все меняется. То, что казалось нижней планкой подоконника, начинает шевелиться и поползти вниз, по-прежнему находясь вне зоны фокуса объектива. И это нечто более всего напоминает человеческую руку. Жуткое действие мгновенно обрывается. Черный экран.

Запись двенадцатая

По голубому мартовскому небу высоко-высоко пробегают маленькие облака, весенние птицы-синицы заливают все вокруг праздничным пересвистом. Камеру Эд держит в руках, от того изображение получается немного дерганным.

– Привет, привет! Ночка вчера была еще та. Уснул только под утро! Ну, ничего, сейчас день, солнце в зените, и я осмелел, пошел бродить по лесу. Наверное, еще вчера тут бегали дикие звери, и я их боялся. А теперь попрыгались, и правильно сделали, потому что это *они* меня должны бояться! Р-р-р-р, – Эд смешно рычит, – Хорошо, Никуля, короче, я просмотрел камеру, которая снимала в окно. Не уверен, но, похоже, там реально кто-то шарился. Я видел руку! Не то, чтобы я ищу приключений на свою задницу, но просто интересно: какого черта тут происходит? И потом, вот, смотри, – он достает из ножен небольшой тактической нож, – Это Жорик мне подарил на день рождения. У них с таким оружием спец подразделения работают. В общем, если что... – Эд показывает пару приемов, но делает это неумело и не убедительно, зато смешно. Он и сам смеется, – Ну вот, а теперь одену-ка я эту хрень себе на голову, и пойдём гулять, осматривать территорию.

Под словом «хрень» в данном случае Эдик подразумевает «Go-Pro», ее он и закрепляет специальными ремнями себе на лоб.

– Ну что, вперед?

Далее идут несколько долгих клипов, соединенных в один видеофайл. Суть изображения практически не меняется: разные живописные лесные и горные ландшафты сменяют друг друга. Эд изредка дает комментарии.

– А вон там речка... Птицы всякие. Эх, жаль, не разбираюсь я в них, но точно не воробьи...

Смотри, смотри шишек столько! ... О-о-о, след! Наверное, олень или даже кабан! ... Какàхи, какахи! ... Природа, мать! ... Ух ты-ы-ы! ... Это, по ходу, ручей прямо из камня начинается! ... Так, а теперь и о хищниках позаботимся, что б знали, кто в лесу главный босс!

С этими словами Эд несколько раз мочится на разные деревья, стараясь часто не опускать камеру вниз.

– Они метят территорию, и я так сделаю, – Эд ухмыляется, – тут суть в том, кто выше струю пустит. Волки, если, конечно, ночью выли именно они, а не какие-то утырки, думают вот как, – рассуждает вслух Эд, писая на очередную сосну, – Чем выше струя, тем больше соперник, а, значит, с таким и связываться не стоит. Побегают, побегают, да и свалят нафиг в другой лес.

Эд небрежно стряхивает, застегивает ширинку и продолжает путь сквозь чащобы бурелома.

Очередной размеренно-спокойный клип меняется рванью панического бегства. Слышно, как Эдик тяжело и страшно дышит, пытаясь справиться с сильным испугом. Что случилось, когда камера оставалась выключенной – не известно, но сейчас он отчаянно бежит от чего-то или кого-то, не разбирая дороги. Спотыкается, падает, вновь бежит, опять спотыкается.

Наконец он останавливается, судорожно снимает со лба камеру и наводит на себя. Становится видно, насколько он перепуган.

– Понятия не имею, что это такое, но оно страшное, как смерть! Вроде какой-то пацан, но толком не понятно, и шерсть! Это существо что-то там ело на земле. Кролика что ли? Вся морда в крови. И еще этот безумный взгляд! Как у гадских зомби-младенцев из страшилок! И, главное, так быстро все получилось: эта тварь меня увидела и зарычала. А потом дернулась в мою сторону. Сука, у меня до сих пор мурашки по спине! Черт!!! Черт, оно сюда идет!!!

Эдик вскидывает, как ружье, камеру в сторону, где предположительно появился тот, кто так сильно напугал его, но от сумасшедшей тряски ничего невозможно разобрать.

Изображение прекращается.

Запись тринадцатая

Сумерки. За окном еще светло, но лучи заходящего солнца уже попали на бревенчатые стены комнаты. Эд лежит в постели, закутанный в плед. Выглядит он уставшим и больным. Говорит в объектив.

– Привет, Ника. Я, похоже, заболел. Грипп или простуда? Не знаю, но чувствую себя хреново. Почти наверняка температура. Градусника, конечно, у меня нет, но все равно колбасит не по-детски. Надеюсь, это не ковид. Еще раз я такой заразы не переживу. В добавок, я еще ногу подвернул, когда бежал. Вообще, странно, чего это я так испугался? Ну, ребенок, и что? С другой

стороны, дико как-то, и неприятно, понимаешь? Я, это... еще вчера познакомился с одной девушкой. Ничего такого, не подумай! Внучка хозяина отеля... Хильма... Так вот, она говорит, что то существо – обыкновенный подросток, только не вырос. Карлик. Понимаешь? Он сын какого-то там безумного папаши Ии-отшельника. Ия – имя такое, тоже на карельском. Так это... Типа, они в лесу живут и все такое. Совсем дикие, представляешь? Это в двадцать первом-то веке? Как-то трудно верится, если честно. Говорю тебе, тут еще то место.

Раздается стук в дверь, и Эдик вынужден прерваться:

– Это, наверное, Хильма. Она в курсе, что я ногу подвернул. Скорее всего, пришла узнать, *чо-как*. Сейчас, – Эд кладет «Go-Pro» на прикроватную тумбочку и поворачивается к двери.

– Открыто, заходите! – громко говорит он, и в комнате появляется красивая девушка с неординарной внешностью. Ее по-особенному белые волосы и такого же цвета брови с ресницами указывают на то, что Хильма подвержена редкому явлению альбинизма, нехватке в коже красящего пигмента меланина. Но это ничуть не делает ее некрасивой, скорее, нестандартной. А в сочетании с острыми скулами, раскосыми глазами и высоким открытым лбом Хильма вполне могла бы сойти за ожившую героиню какой-нибудь скандинавской сказки о скальдах или снежных девах.

– Как поживаете, Эдик? Как ваша нога? – спрашивает она низким приятным голосом.

Ей на вид не больше двадцати, но в девушке уже чувствуется зрелость взрослой женщины. Эд не успевает ответить, когда за Хильмой в комнате появляется огромная лайка с глазами такими же белесыми и холодными, как у хозяйки. Собака садится у ног Хильмы, пристально всматривается в нового постояльца «Туманной Горы». Эд отвечает не сразу, нарушая возникшую паузу:

– Спасибо. Не переживайте. Нога еще болит, но это ерунда, правда. Я, кажется, грипп где-то подхватил. Так что, если бы у вас нашелся аспирин или какое-нибудь жаропонижающее, было бы норм.

– Аспирин, думаю, есть. А вот для вашей ноги не помешала бы тугая повязка. Вот, я принесла. Разрешите?

– Да ладно, Хильма, это лишнее. Я справлюсь.

– Я настаиваю.

И, не дождавшись согласия, девушка пересекает комнату и бесцеремонно садится на кровать к Эду, продолжает:

– Этот Ия со своим сыном уже не первого нашего постояльца пугают. Нечего им делать. В общем, у меня чувство вины, хочу загладить, – она достает из внутреннего кармана легкой кожаной куртки эластичный бинт, и показывает Эдику.

– Ну, если чувство вины... – вяло отшучивается тот.

Эд сконфуженно смотрит на Хильму, а затем на все еще включенную камеру. Девушка задирает одеяло и бережно берет распухшую голень Эда в свои руки. Хильма замечает «GO-Pro» и улыбается, кивает в сторону объектива:

– Видео-дневник?

– Точно! Я всегда в дороге снимаю. Все подряд. А потом, когда возвращаюсь домой, пересматриваю, и, получается, как по-новому путешествую.

– Ясно. Так многие здесь делают. «Сториз» на потом.

Хильма забинтовывает ногу быстрыми и точными движениями.

– У тебя есть девушка, Эдик? – вот так запросто она переходит на «ты».

Эд морщится от боли и немного смущается, но отвечает, как есть:

– Да.

– Тогда почему ты путешествуешь один?

– В последнее время у нас были некоторые разногласия.

– А имя у твоей девушки есть? – Хильма заканчивает бинтовать.

– Ее зовут Вероника, – отвечает Эд, с удивлением рассматривая профессионально спелёнатую ногу.

Девушка понимающе кивает, затем встает с кровати и подходит к тумбочке, берет камеру в руки. Эд поднимается, но делает это неуклюже резко, от того белоглазый пес, ранее ничем не выдававший своего присутствия, моментально вскакивает на коренастых полусогнутых лапах и начинает утробно рычать, скалит огромные зубы. Эд замирает в испуге. Хильма не обращает на происходящее никакого внимания, говорит прямо в камеру так, будто видит по ту сторону:

– Ну, здравствуй, Никочка.

Кадр замирает.

Запись четырнадцатая

Час спустя. В комнате горит неяркий свет старомодного торшера, за окном уже наступила ночь. Эдик сидит на кровати. Из-за своей простуды он выглядит совсем неважно, да еще и как-то виновато.

– Слушай, Ник, они тут, в этой дыре, все немного не в себе. Ты же знаешь, как я не люблю больших собак. Думал, хаски мирные, а ничего подобного! Ты видела, как эта тварюга на меня чуть не набросилась? Ладно, проехали. Тут, в общем, Хильма пригласила на какую-то закрытую вечеринку. Сегодня. Раз в год у них обряд посвящения, что-то типа. Если честно, я ничего не

понял, но все равно схожу. Интересно же посмотреть, кто еще тут ненормальный. А насчет белёвки не парься, не в моем вкусе. У нее просто нет шансов! И потом, ты идешь со мной, так что никаких тайн!

Эд многозначительно кивает головой и отключается.

Запись пятнадцатая

Ночь. «Go-Pro». Просторное бревенчатое помещение без окон и чердака. Камера снимает происходящее внутри. В узконаправленных красных лучах старых театральных прожекторов танцует камлающий шаман с большим бубном черной кожи. Его движения, одновременно несурзные и завораживающие, кажутся чем-то давно забытым, а дребезжащий голос – то заунывным пеньем неведомой птицы, то полным тоски стоном раненого зверя. Его разукрашенное бело-синим сильно морщинистое лицо все время меняется в гримасах. Ветру неоткуда взяться, и все же длинные старческие космы живо развиваются во все стороны. Аутентичная саамкарельская одежда старика топорщится перьями, крохотными рожками и какими-то мшистыми ветками. Вокруг шамана на полу сидят люди в мешковинах, заменяющих одежды, и в детских масках разных животных, скрывающих лица. В просторном помещении под светом красных прожекторов, разрезающих полумрак, собралась вся местная фауна: «олени», «волки», «кабаны», «еноты», «лисы». Сразу с нескольких сторон поднимаются струйки дыма курильниц, оплетая сидящих нестойкой зыбкой паутиной.

Эд шепчет:

– Еле упросил их хотя бы начало заснять. Тут какое-то хранилище или, может, даже ангар, только без техники, – камера крутится по сторонам, – короче, много говорить не могу, сама все поймешь. Это, типа, у них старый ритуал проходит. Таинственная штука. Наш отель, «Туманная гора», построен на месте, где раньше до прихода европейцев проводили обряды. Приносили дары языческим богам племени вепсов, а потом и саамов. Слышала такое: «чудь и весь»? Так это о них! Чудики, в общем, – Эд прыскает, но не громко, затем продолжает, – Раньше здешние племена приносили жертвы духам леса, огня и воды, и их жрецы пили кровь, короче. Только это ж было тысячу лет назад. А вот видишь, их потомки все еще чтут традиции. Молодцы, в общем. Так мы тоже пьем, только не кровь, – Эдик подносит к объективу чашку с красной жидкостью, и делает большой глоток, – мне сказали, это называется «вахну олут». Понятия не имею, что это такое, как по мне, обычный глинтвейн с добавками трав. Финт в другом: помнишь, я говорил, что заболеваю? Еще думал, опять грёбаная «корона» прицепилась? Так вот, от этого напитка я чувствую себя абсолютно здоровым! То есть, совершенно!

Окончание фразы Эд произносит немного громче, чем следовало бы, от того на него бросают неодобрительные взгляды сразу несколько людей, лица которых по-прежнему закрыты масками.

– Ладно, затыкаюсь. Давай просто смотреть, – говорит он извиняющимся тоном, закрепляя камеру на петлице нагрудного кармана куртки.

Вскоре непонятное песнопение и монотонные удары в черный бубен становятся более осмысленными. Идет игра, значение которой еле уловимо, но все же читается в движениях экзальтированного старика: что-то связанное с умершими душами, которых шаман все время пытается поднять из-под земли. Представление, которому по всей видимости действительно сотни лет, выглядит немного жутковатым, и в то же время интересным. Во мраке значительно прибавляется дыма. Его сизые клубы теперь еще плотнее окутывают присутствующих, то проступая в жестком красном свете, то возвращаясь во мрак, куда не достают фонари.

Откуда-то появляется и начинает ходить по рукам данза – длинная курительная трубка с небольшим навершием, доверху забитым тлеющими угольками. Доходит очередь и до Эдика. От непривычки бесфильтрового курения он судорожно кашляет. Камера несколько раз сотрясается, а затем «успокаивается». Эд шепотом комментирует:

– Улетная дурь! Только это не «Марь Иванна». Пожестче. В смысле, я такой травы еще не пробовал. Что-то другое. Воняет болотом, но, когда вдыхаешь, рубит сразу. И кайф, будто летишь душой... Не знаю, как объяснить.

Наконец шаман заканчивает, его бубен смолкает, и, более не произнеся ни звука, старик уходит во мрак. Неожиданно для всех откуда-то, с другой стороны, где совсем темно, раздается громкий визг, но тут же его сменяет детский плач, постепенно переходящий в утробное рычание зверя, а за ним сразу же звучит тихий смех женщины. И это все воспроизводит одно существо! От младенца до хищника и потом обратно в человека – такая трансформация голоса не под силу ни одному оперному гению, и тем не менее это происходит. Среди людей в масках пробегает негромкая волна испуганных, а также восхищенных возгласов. Эдик тихо матерится. Но страшные завывания прекращаются так же внезапно, как и возникают. Становится тихо, жутко и очень мрачно. Слышно, как снаружи стонет ветер.

Перед сидящими на полу появляется волосатый карлик, и Эда кидает в панику:

– Это он! Это он!! И не ребенок совсем! А взрослый сукин сын! Это он за мной гонялся по лесу!

Ужасный маленький человечек неуклюже тащит за собой гремящую чугунную цепь, всматривается в маски, принюхивается, трясет головой, будто отгоняет дурные мысли. С каждым шагом странное создание приближается к Эду все ближе и ближе, а тот уже и пошевелиться не

может от страха. Но ничего по-настоящему кошмарного не происходит: карлик не узнает Эда и уходит вслед за шаманом. Эдик больше ничего не говорит, и лишь наблюдает за происходящим. Люди в масках начинают протяжно стонать, напевая какую-то потустороннюю мелодию без слов. Транс длится несколько минут прежде, чем осветительные приборы начинают мерцать, как от перебоев с электричеством. Вновь оживает бубен и возобновляются песнопения шамана, который бродит где-то неподалеку во тьме, лишь изредка появляясь на кромке света. Люди все так же сидят, но теперь еще и раскачиваются в стороны. Эд бессознательно подчиняется коллективной воле. Камера делает ритмичные движения вправо и влево, вперед и назад.

Мелодия постепенно заполняет все вокруг. Мелькают маски, движения ритмичны. В какой-то момент одна из фигур поднимается с пола и входит в центральный луч: это стройная девушка в полумаске рыси, закрывающей только верхнюю часть лица, но оставляющей открытыми пухлые чувственные губы. На плечи девушки накинута серый плащ из грубой льняной ткани. Она сбрасывает его, оказавшись совершенно голой. Одновременно с этим мерцающий электрический свет окончательно гаснет. Становится темно, но вот чиркает кремень бензиновой зажигалки «Зиппо» и постепенно желто-красным огнем разгорается цветок факела в руках вновь появившегося карлика.

Групповое камлание ни на миг не прекращается. Смуглая лоснящаяся кожа обнаженной красавицы блестит в неровном свете факела на мелких капельках проступившего пота, и прыгающие тени играют на масках «зверей». Большие шоколадные соски девушки призывно смотрят вверх. Голая, возбужденная наркотическим дымом, она двигается в такт напева. В руках она сжимает большую серую крысу. Стихийно возникшая в человеческих глотках мелодия теперь приобретает четкий, повторяющийся мотив, крепнет, становится громче. К монотонным ударам бубна добавляются тонкие истеричные нотки свирели – это большой мужчина в маске кабана играет на рукодельной сопелке.

Вдруг, и это происходит очень неожиданно, девушка отрывает своими острыми зубками голову беспомощного грызуна и сплевывает на сторону кожу и шерсть крысы, а затем неспеша разбрызгивает кровь на поющих. Карлик с факелом повсюду следует за смуглокожей хищницей. Эду становится дурно, он, не сдержавшись, блюет себе под ноги. Но никто этого не замечает, и мелодия не прерывается ни на секунду.

Тем временем танцовщица все сильнее отдается страсти движений, разукрашивает свое тело парующей кровью и выдавленными наружу внутренностями умерщвленного грызуна, а затем отшвыривает тушку в сторону, одним движением срывая с себя маску. Щеки и лоб девушки испещрены белыми знаками, но все же это лицо, эти раскосые глаза и острые скулы, тонкая шейка

и густые черные волосы легко узнать – эвенка Имппи, с которой Эд познакомился в холле отеля на концерте в первый день. Зрачки ее миндалевидных глаз сейчас расширены до предела, и девушка танцует и танцует, а люди вокруг начинают подниматься, один за одним, пока не окружают ее. На деревянный пол летят одежды из мешковин. Голые люди, клонясь книзу, вприсядку жадно тянутся к Имппи, будто ждут от нее милости: женщины, красивые и не очень; и мужчины, все до единого с эрегированными членами. Вот-вот начнется жуткое. Может быть, оргия, а может и вообще что-то не укладывающееся в рамки общепринятого понимания.

Эд стоит за спинами обнаженных и возбужденных людей, тяжело дыша. От потрясения его бьет озноб, как при лихорадке, но что будет дальше, он не решается смотреть – уходит прочь. Камера еще некоторое время показывает смутные блики во мраке и откуда-то сзади начинают доноситься неистовые стоны, продолжаются удары бубна и посвисты свирели, но уже в следующее мгновение видеофайл обрывается.

Запись шестнадцатая

Отель. Комната. Ночь. Никаких ламп и торшеров не горит, потому что взошедшая за окном луна уже залила все вокруг, и стало светло, почти как днем. «Go-Pro» закреплена на лбу, и первое, что показывает камера – потолок с дрожащими от деревьев снаружи тенями.

Эд смотрит вверх, а затем начинает непонимающе крутить головой по сторонам и замечает, что лежит на махровом одеяле раздетый, а его руки и ноги распротёрты в разные стороны. Он не может пошевелиться, потому что его крепко сжимают шаман и карлик. Эд выдает звук, похожий на мычание, будто он только что вернулся из глубокой комы и теперь начинает приходить в себя. Вполне возможно, так оно и есть. Кто включил запись – не известно.

Нижним краем камера захватывает еще одного человека – все та же Имппи. Она что-то делает у ног Эдика, но что именно – не видно из-за очень острого угла съемки. Девушку, по сути, тоже не разглядеть, только ее длинные ниспадающие на плечи волосы и смуглые тонкие руки, ритмично, до крови, впивающиеся в оголенные ляжки Эда. Точно сказать нельзя, и, кажется, Имппи делает миньет, но только вот парень совсем не выглядит счастливым, то есть, его мычание не становится томимым страстью, а скорее переходит в паническое бляение до смерти перепуганного ягненка. От страха и невозможности пошевелиться Эдик начинает тихо и безвольно плакать.

– Отпустите... Что вы делаете? Отпустите... Мне больно... Зачем вы мучаете? ...

Не сразу, а только через какое-то время отвечает карлик. Его сильно заросшее бородой и густыми бровями лицо почти вплотную прилипает к объективу. В глазах, что слегка расходятся к крохотным ушам-«вареникам», читается глумливое неистовство:

– Колмэ-ие хоньгу спай... мьон-пия! Колмэ-ие хоньгу спай... мьон-пия!

Эд отворачивается в сторону, чтобы не видеть страшное лицо, и вовремя, потому что Имппи наконец отрывается от того, чем занималась до этого, попадая в поле зрения. Весь рот девушки, ее зубы и подбородок густо испачканы алой кровью. Эдик в панике начинает дергаться и пытаться высвободиться, но у него так ничего и не получается. Вскоре он затихает. И все. Имппи задумчиво смотрит в камеру, потом улыбается зловещей улыбкой ламии, протягивает руку и выключает «Go-Pro». Но на этом видео-дневник Эда-путешественника все еще не заканчивается.

Запись семнадцатая

Файл, в отличие от всех предыдущих, сделан значительно позже. Эд выглядит, как бомж: весь зарос, не брит, на лице видны струпья. Волосы на голове и по бокам сплелись и пошли клочьями, открывая проплешины. Одежда местами порвана, а в пустых глазах еще молодого мужчины застыли по-настоящему стариковские слезы безысходного горя. Эд бережно прижимает к груди левую руку, кисть которой обмотана грязным бинтом с проступившей наружу кровью. Того, кто снимает, не видно. Действие происходит в какой-то пещере, где со сталактитов в воду то и дело падают капли конденсата. Эхо отражает буквально все: падение капель, шорохи, вздохи, слова. Тусклый луч карманного фонарика вырывает из мрака беднягу, светит ему прямо в лицо.

– Эй, малышка, привет, – начинает он тихим голосом, и уже хочется кричать навзрыд, столько в его обращении тоски, – Прости, что пропал. Я... не мог... – слезы катятся по щекам, но Эд их не замечает, – Ты, наверное, уже смирилась? Живешь себе дальше? ... Я подсчитал, прошло семь месяцев, а такое ощущение, что семь лет... Мне разрешили с тобой попрощаться, и я очень им благодарен.

Эд заискивающе смотрит за камеру на того, кто снимает, а затем продолжает:

– До полной луны осталось три дня, а потом меня не станет. Ника, это место, «Туманная гора», «Уду-у Маги», оно не отпустит. Нет... у меня нет шансов. Прости. Очень хочется думать, что ты не сделала аборт и вскоре все-таки родишь. И тогда обо мне останется воспоминание. Если будет девочка, назови ее Верой. Ну а если мальчик, то... как захочешь, только не Эдиком. Мне мое имя никогда не нравилось, и тем более я не хотел, чтобы мой сын повторил ту же судьбу. Никому такого нельзя желать. Никому...

Эд срывается, начинает плакать сильно и в голос. Он не может остановиться некоторое время. Камера продолжает беспристрастно снимать. Затем Эд все же успокаивается. Он морщится от боли, гладит забинтованную кисть.

– В полицию не ходи. Не знаю, получила ли ты вторую посылку. Но в полицию лучше не ходи,

сделаешь только хуже. И еще. Моей семье ничего не говори. Я прощаюсь с *тобой*, Вероника. Другим, даже Гоше, мне нечего сказать... Прощай и помни... Я любил тебя.

Эд делает шаг навстречу, чтобы отключиться, но съемка останавливается раньше, запечатлев последний кадр, на котором несчастный парень тянет руку к объективу.

Конец записи.

Когда больше не осталось не просмотренных файлов, Жора и Ника еще некоторое время всматривались в застывшее на экране компьютера изображение. На их лицах читались диаметрально противоположные эмоции: в ее глазах – паника, в его взгляде – ледяная собранность.

Жора повернулся и спросил:

– Вторая посылка? Ты получила ее?

Ничего не ответив, Вероника неуклюже вскочила на ноги и выбежала на кухню, где на столе все еще лежала не прочитанная почта. Жора поспешил следом. И уже через мгновение из наспех разорванного конверта-близнеца с водонепроницаемой выстилкой на босые ноги беременной женщины упал отрезанный палец и побежала тоненькая струйка скопившейся внутри холодной крови. В нос шибануло тухлым запахом разложения и гнилостной плесени. У Вероники все так и сжалось внутри. К горлу мгновенно подступила тошнотворная рвота. И тут же фонтан из наспех пережеванной докторской колбасы, пенной колы и желудочного сока обрушился на стену, стол и холодильник, оставляя повсюду брызги в радиусе полуметра. Нике показалось, что она узнала этот палец. Еще совсем недавно тот принадлежал ее жениху. Сознание милосердно начало покидать девушку. И Жора подхватил ее в последний момент перед самым падением. То, о чем подумала Ника прежде, чем отключиться, была чудовищная мысль, пришедшая сама собой: «Эдика мучали и пытали все эти семь проклятых месяцев, а он все-таки оставался живой, но теперь... теперь...» Додумать уже не смогла, провалилась в полумрак.

Глава третья

«Форд Бронко» уже более получаса стоял возле набережной в гордом одиночестве. Холодные воды одетой в камень угрюм-реки не жаловали прохожих радостью в это время года. Осенью романтическое настроение граждан северного мегаполиса безжалостно сдувало колким ветром вместе с листьями почерневших кленов и осиротевших берез. Поэтому двое сидели на ступеньках перед водой съездившись, курили сигареты и разговаривали, не опасаясь, что их могут подслушать.

– ...Потому что, сука, ты мент! И ты играешь за хороших парней, а не за плохих, хочу тебе напомнить! – закипала Линда, но Жора был спокоен, как морг.

– Вот именно, – отвечал он, – я дал слово. И собираюсь его сдержать.

– Кому, Жора?! Кому ты его дал? Беременной неврастеничке?!

– Ты злишься, потому что такая же, как я, и на моем месте поступила бы также. Я все тебе рассказал. И теперь ты говоришь, что дело должно пойти законным путем? Только никто заявление писать не будет. Ты, по идее, теперь, конечно, и сама могла бы. Но тоже не сделаешь этого. Потому что мы с тобой друзья. И еще, потому что ты тоже пообещала молчать еще до того, как я начал рассказывать. Мне пообещала.

Линда разразилась такой площадной бранью, что в миг сморщились и посидели бы дети, будь они рядом. Но ее напарник сдерживал матерные удары и пожестче, поэтому остался самым спокойствием. Линда смачно сплюнула далеко в воду, шумно выдохнула и сказала, успокоившись:

– Ладно, я поняла. Ты – упрямый осел. Дальше что?

– Ночь в неотложке. Врачи ожидали преждевременные роды. Промурыжили до утра.

– И?

– Слава богу, обошлось. Отвез ее домой.

– Сам хоть поспал?

– Не успел. Сразу к тебе. Мне помощь нужен, Лин.

– А вот это правильно. К мамкиной сиське. Молодец. Только я тебе так скажу, ни хрена не правдоподобно. В смысле, вся эта история. Подставой за километр несет. В Карелии, конечно, много всякого непонятного и шаманы там натуральные. Но чтобы вот так, в наглуую, обдолбанные малолетние шалавы кровососничали? Да еще на камеру? Я, конечно, искренне рада, что твой братец оказался живой, честно. Только он же гребаный режиссеришко! Разве не мог он, скажем, все это придумать? Ну, на секундочку?

И опять потоки матюговой лавы, исходящие от Линды, залили набережную. На этот раз Жора все-таки скривился. В трехэтажной филиппике напарницы прозвучало такое множество разнообразных форм орального секса и зоофилического кровоблудия, что ему пришлось поднять руку и успокоить ее:

– Тормози. Я смотрел эти записи. Не похоже на постановку. Да и Эд там выглядит совсем не героем-любовником.

– Ну и где, спрашивается, эти записи? Почему я до сих пор ничего не увидела?

– Ника флешку в унитаз спустила, когда вернулась из больницы. Это чтобы я не вздумал с записями в отдел идти.

– Да она просто отмороженная... Чокнутая! Таких прикладом по голове лечат, а не жалеют.

– Перестань. Да, она не соображает, что делает. Но постарайся и ты ее понять. Мне, кстати,

тоже не легко.

– Прости. Я сочувствую тебе. Но и злюсь тоже. Нутром чувствую, это какая-то афера. Развод. Ну не верю я, и все!

Жора задумчиво произнес:

– Я знаю Эдика. Он может наврать кому угодно, но только не мне. Я всегда вижу, когда он врет. Да, видео-дневник – важная улика. Но у нас его больше нет. Хотя, Ника и записала всё через комп на свой телефон прежде, чем уничтожить флешку, что б пересматривать.

– Железная логика, – не удержалась от издевки Линда.

Жора продолжил:

– Все равно, в этом плане идти к следакам пока не с чем.

– И что думаешь делать?

В ответ он достал из нагрудного кармана свернутый конверт с засохшими бурыми пятнами и протянул напарнице. Линда взяла «кровавую почту», развернула, приняухалась. А затем спрятала в свою сумочку, сказав:

– Хорошо, что хоть палец спас от этой ненормальной.

– Ты можешь как-то неофициально пробить по базе ДНК?

– Да, Гош, сделаю.

– За сутки справишься?

– Постараюсь. А сам ты, я так поняла, поедешь опять к ней? Нянчить больную?

– Хуже. Ника собирается ехать в Карелию. И ничего не хочет слушать. Я отправляюсь с ней на поиски брата.

– Это шутка такая?

И когда Жора отрицательно покачал головой, в третий раз над темными волнами прогрехотали из женских уст совсем неженские ругательства о чьей-то матери, ложнозрячей Белоснежке, семи похотливых гномах и особенностях имени лицевой части коня Буцефала.

Глава четвертая

Карелия. Ее первозданные земли окутаны мрачной красотой, которую не тронули сполохи цивилизации. В ее стелящихся туманах, в ее сфагновых болотах, на ее мшистых камнях – повсюду незримо ощущается нечто большее, чем просто «дикая природа». Тут до сих пор есть то, что было безвозвратно утрачено человеком – сила необузданной жизни тысячи образов, чуждых людской оболочке. Чахлые, редко стоящие друг от друга деревца корчат в стороны узловатые тонкие ветки, будто предостерегают о ком-то спрятанном под землей, и готовом выползти наружу по первому

зову ночи. Бурые, блеклые краски низких кустарников разбросаны бесчисленными мазками среди вросших в землю валунов. И еще вода. Она везде и во всех формах: то проступает сквозь подстилку невнятной вечно жухлой травы, то сочится сквозь поры в бурой почве; иногда блестит среди кочек россыпью чайных блюдец, скрывая илистую трясику; а иногда, не таясь, выходит наружу звенящими ручьями; лежит в тени нетающим снегом, испаряется на солнце торфяных лугов.

Во всем этом мрачном величии, словно рассыпанный по бескрайним топям Млечный путь, цветет *Eryophorum vaginatum* – белоголовая пушица, из которой сотканы многолетние кочки остролистой осоки.

Где-то здесь бродят огромные медведи, на лосей и оленей охотятся стаи волков, не знающих винтовки браконьера; по заводям строят платины трудолюбивые бобры, и за форелью, сёмгой и налимом гоняют речные выдры и проворные острозубые норки.

Сентябрь в этом краю – пора недолгого бабьего лета, и пенья птиц не слышать, лишь изредка цокают клесты и тревожно пересвистываются пуночки. И еще ветер, вот он поет на всех ладах, во всех октавах: то порывисто и резко, то заунывно, растягивая ноту ушедшего прошлого в незримое, зыбкое будущее.

Принято считать, что дикие земли Карелии не пригодны для жизни, по крайней мере, с точки зрения современного человека. И все же здесь есть люди. Коренные жители: карелы, вепсы, финны, саамы. Все те, кто чтит заветы старины, уходящей корнями в дохристианскую эпоху. Впрочем, таких осталось откровенно мало, тех, кто предпочел уют живого огня микроволновкам и пыльным тротуарам. Да, среди туманов, глухих лесов и непроходимых болот все еще живут люди, но постепенно вырождаются, и их дети уходят на юг, оседая в городах.

Путь Ники и Жоры по Карелии простерся в обход Ладоги, восточным берегом. Трасса Р-21 «Кола» вела старенький «Форд Бронко» вплоть до Сортавалы. Но уже через три часа дорога свернула на север, к озеру Янисъярви и быстро утратила лоск европейского асфальтового покрытия. Еще через пять часов они въезжали на территорию Национального парка Паанаярви, оставляя за собой огромное Пяозеро и сотни километров живописного края.

Возле указателя на гору Кивакка наконец-таки сделали получасовой отдых. До этого же момента останавливались только по самой строгой необходимости: заправиться бензином или сходить в туалет. Даже кушали в машине.

Все время пути почти не разговаривали, радио не слушали и магнитолу не включали. Жора вел машину, следил за дорогой; Ника изучала записи, сделанные на мобильник, всматривалась в детали, уделяла внимание тому, что происходило за спиной Эдика, на заднем плане. Важным

могло стать все, без исключения.

Серьезной проблемой оказался тот факт, что нигде в интернете не нашлось никакого упоминания об отеле «Туманная гора». Все, что угодно: отель на горе Туманна где-то на границе с Монголией, отель «Гора» в Карпатах и еще пара таких же просто «Гор», но ни одной карельской гостиницы с нужным названием поисковики не выдавали.

Ника пыталась найти на ю-Тьюбе ту самую рекламу о ежегодном фестивале этнической музыки, что видели по телевизору сначала Эд, а потом и Жора, но видео так и не обнаружилось. Как она не старалась использовать всевозможные комбинации слов, ничего не получалось. Оставалось одно: доехать до последнего пункта, который можно было идентифицировать, а затем спрашивать у местных, вплоть до того, что останавливать встречные машины или даже заходить в дома, если таковые вообще будут поблизости.

Последним узнаваемым по видео местом оказалась развилка, у которой на обочине в землю вращал деревянный столб с табличкой-указателем: «гора Кивакка, 3 километра». К этому времени дорога давно превратилась в проселочную со всеми атрибутами малоиспользуемой: узенькая, с выбоинами, давно не латаная.

Именно здесь семь месяцев ранее Эдик записывал видео, когда делал путевые заметки. Только тогда была весна и все цвело, а теперь стояла унылая осень. Эд говорил, что от этого указателя ему еще нужно «пилить» два часа на север. Так себе, конечно, ориентир, потому что хоть в этой глуши развилки встречались и не часто, все же острым оставался вопрос, что делать, если впереди начнутся ответвления? По какой дороге ехать, если одна, скажем, поведет на северо-запад, а другая – на северо-восток? Как в таком случае не пропустить нужный поворот? Четкого ответа не было. От первоначального плана расспрашивать местных и останавливать машины вскоре пришлось отказаться по причине полного отсутствия и тех, и других. За пол часа, что стояли и наспех что-то перекусывали, мимо или навстречу не проехало ни одного автомобиля. А о людях и домах вообще говорить нечего. Когда стали припоминать, то оказалось, за последние два часа пути им встретились всего несколько покинутых домишек и одинокий заброшенный хлев с покосившимися стенами и обвалившейся под тяжестью мха крышей. Получалось скверно.

А если добавить еще и то, что уже какое-то время телефоны вышли из строя, то есть, окончательно пропал сигнал, то выходила достаточно мрачная картина с размытой перспективой. Скоро сядет солнце, и нужно торопиться. Поэтому Жора предложил следующее: держать в приоритете главную дорогу, и останавливаться всякий раз, когда вправо или влево начнут отпочковываться более или менее перспективные пути, внимательно изучать местность. А затем выбирать то из направлений, которое поведет к возвышенности, потому что не станут же называть

отель «Туманная гора» в месте, где нет той самой горы? В общем, на север надо и вверх по склону. Ну, и, разумеется, если кто встретится, обязательно расспрашивать.

Так ожидаемые два часа превратились в еще четыре с постоянными остановками и ориентированием. Пару раз сворачивали не туда, но быстро понимали ошибку и возвращались к исходному пункту. Чаще всего тупики приводили к чему-то заброшенному и покинутому типа старых ферм, допотопных торфяных артелей или опустевших охотничьих домиков, где природа обязательно и неизбежно забирала свое, прорастая деревцами сквозь крыши, заволакивая все мхом и лишайником. Попутные машины все же встречались, но не часто, и останавливать их с расспросами не представлялось возможным.

Наконец на одиннадцатом часу пути, когда где-то далеко справа, за старыми соснами, скрылось солнце, и мир белой пушицы сфагновых болот погрузился во мрак, «Форд Бронко» и его два уставших и взнервлённых пассажира добрались до места.

Отель вынырнул из темноты внезапно, словно крадущийся вор в свете мощных фар. Широкий одноэтажный дом с частоколом труб на крыше растянулся прямо у обочины, где не наблюдалось никаких подъездов или парковочных мест, зато стояло простое длинное здание из потемневших от времени бревен с не горящей над входом надписью «Туманная гора». Отель казался совершенно безлюдным. Ощущение усиливало полное отсутствие других машин. Ведь если это гостиница, то кто-то же должен здесь быть? Хоть кто-нибудь?

Ника и Жора сидели в автомобиле, двигатель которого все еще работал. Они были растеряны, и не знали, что делать. Ника прошептала, пытаясь унять панический страх неудачи:

– Что, если, за это время отсюда все ушли? И здесь никого нет? Где нам тогда искать Эдика? Или, может, они открываются только раз в году на тот самый гребанный фестиваль? Жор, что нам делать?

Но ответить тот не успел, потому что вдруг надпись над входом начала мигать и через несколько мгновений загорелась красным, высвечиваясь не полностью: буквы «у» в слове «туманная» и «о» в слове «гора» так и остались незажжёнными. А затем включились еще несколько фонарей, расставленных по периметру. За огромной входной дверью в крохотном оконце забрезжил свет. Отель ожил, будто проснулся дракон, которого потревожили неугомонные гномы в попытке украсть несметные сокровища. Только выглядело это отнюдь не таинственно и сказочно, а по-настоящему жутко.

Жора машинально нащупал кобуру под курткой. О служебном «Вальтере» его попутчица ничего не знала, не за чем ей лишний раз пугаться. А вот сам Жора занервничал. В какой-то момент показалось, что сейчас навстречу выйдет монстр с оторванной головой брата в огромных

окровавленных лапах. Жора не понимал, откуда взялись такие глупые образы, и даже чертыхнулся вслух, но посмотрел на Нику, и, похоже, к ней в воображении пришли подобные видения. На ее побледневшем личике отчетливо читался страх.

Наконец массивная дверь открылась, и никакого чудовища за ней не оказалось. На пороге появился высокий седовласый старик в фуфайке и раздраженно поморщился, поднятый, очевидно с постели. Но уже через мгновение он стал более дружелюбным, пристально посмотрел через лобовое стекло на водителя и его спутницу, а затем, сменив гнев на милость, пригласил жестом заходить во внутрь.

Погасли фары, и неугомонный бродяга «Бронко» наконец успокоился. Хлопнули дверцы. Двое путников вошли в лесной дом под неоновой надписью «Т...манная г...ра».

Вероника раздраженно фыркнула, лишь переступила через порог:

– Какой же это отель? Это дыра!

Старик буркнул в ответ через плечо:

– Вы очень несдержаны, леди. В вашем положении это может плохо кончиться, – и, добравшись до регистрационной стойки, подобием которой служила высокая деревянная доска на единственной ножке, зайдя за нее, обернулся к вошедшим, сказал официально вежливо, – Добро пожаловать. «Туманная гора» приветствует вас!

Ника стала с другой стороны доски, и пока Жора осматривался по сторонам, начала грозным тоном:

– Мы ищем одного человека. Его зовут Эдик, то есть, Эдуард. И мы точно знаем, он здесь.

– Могу вас заверить, в отеле сейчас совершенно пусто.

– А вот это зря, потому что тогда...

Но Жора не дал договорить Нике угрозу, а мягко придержал ее за руку, улыбнулся и продолжил совершенно спокойным, будничным тоном, будто и не было позади утомительной дороги и многих месяцев кошмарного ожидания:

– Мы бы хотели снять комнату. Договорились с нашим приятелем встретиться тут. Но в горах сеть не ловит. Не смогли вовремя созвониться. Скорее всего, мы просто разминулись, и он еще в пути.

Старик медленно перевел взгляд с беременной неврастенички на подозрительно спокойного мужчину. Нервы девушки легко объяснялись, а вот обходительность и подчеркнутая вежливость молодого человека могла оказаться чем-то опасным. Поэтому метрдотель не торопился с ответом, а внимательно изучал высокого парня с широкими плечами и холодными глазами, так сильно контрастирующими с теплой обаятельной улыбкой.

Старик еле заметно сунул руку куда-то вниз. Еле заметно, и все же такое движение не ускользнуло от внимательного Жоры. Внешне это никак не проявилось, но внутренне он весь подобрался, приготовился оттолкнуть Нику в сторону и одновременно выхватить пистолет. Место здесь безлюдное, и спрятанный за стойкой дробовик запросто мог оказаться привычным делом. Но еще через мгновение на поверхность высокой столешницы с шумом легла большая регистрационная книга. Жора расслабился, а старик улыбнулся в ответ и раскрыл журнал, взял шариковую ручку и приготовился вписывать новых постояльцев:

– Прекрасно понимаю вашу ситуацию. Телефоны в нашей глуши действительно не работают. Вышек нет. Итак, как вас записать?

– Меня зовут Георгий Шуст, а это Вероника. Вам, наверное, понадобятся наши паспорта?

– Очень приятно. А вот документы – лишнее. Карточками у нас не расплачиваются, только наличностью. Госназора отродясь не было. Так что ваши имена, этого будет достаточно. Меня зовут Иона. И это, – старик обвел жестом все вокруг, – мои скромные владения. Если захотите остаться подольше, чем просто переночевать, то могу сразу сказать, вам понравится. Вы можете пока присесть у камина, вон там, я разведу огонь, – Иона указал на холл за своей спиной, где все еще не горел свет и было темно, а затем продолжил, – моя внучка тем временем приготовит лучшую комнату для вас!

Жора поблагодарил:

– Будем вам признательны, Иона.

Ника, судя по всему, в вежливом разговоре решила не учувствовать. И когда старик спросил конкретно ее, надолго ли они хотят остаться, Вероника поджала губы и направилась к незажённому камину. Опять ответил Жора:

– Послезавтра уедем.

На что Иона таинственно подмигнул и снизил голос:

– Ну, это если не захотите остаться.

Очень скоро уставшие путники разместились в удобных плетеных креслах у разожжённого огня, укрывшись мягкими пледами и положив разутые ноги на аккуратные пуфики. В пляшущем пламени камина уютно потрескивали колотые поленья. Их умеренный жар обволакивал мышцы с кончиков пальцев ног и до самых плеч, снимал усталость, прогоняя тревоги пути прочь за порог «Туманной горы». Лампы тысячесвечников на деревянных колесах под потолком так и не зажглись, но в них не было необходимости. Помимо тепла большой камин давал еще и много света.

Иона поставил виниловую пластинку с выцветшей оранжевой наклейкой на старый диск проигрывателя, что стоял в дальнем углу холла, а затем бережно опустил иглу. Полилась скрипучая, но вместе с тем медовая запись 67го года «What A Wonderful World» в исполнении короля доброты, старины Луи Армстронга. А затем Иона подошел к гостям, пересекая просторный зал, с двумя кружками чего-то горячего, добродушно произнес:

– Этому граммофону почти столько же лет, сколько и мне. И я совсем не уверен, что в будущем так же будут слушать мобилки, вай-фай, блютузы, бумбоксы и прочие непонятные мне вещи. А вот *он* останется. Возьмите, это горячий чай на можжевельнике.

Жора, а затем и Ника взяли клубящиеся паром кружки и поблагодарили радушного хозяина. Тот с чувством собственного достоинства склонил голову на бок:

– Всегда к вашим услугам. Сегодня безлюдно, потому что четверг, середина недели. Но уже завтра, ближе к выходным, начнут съезжаться. В основном, эко-туристы. И, кстати, у нас есть завсегдатаи. А так, вы попали в сезон: рыбалка, охота с фотоаппаратом, просто прогулки на свежем воздухе. Тут *будут* люди, если вам одиночество в тягость. А еще, знаете, завтра обещали появиться Микко и Руфина. Это наши местные звезды. Народ их просто обожает! И я уверен, вам обязательно понравятся их песни!

С этими словами Иона удалился шаркающей походкой к своей стойке, а затем вообще пропал где-то в коридорах.

Жора и Вероника стали пить чай маленькими глотками, чтобы не обжечься. Настроение у обоих улучшилось. Тому явились причиной незатейливый комфорт, потрескивающие мерно дрова, запах можжевельника и мягкие сполохи теней в сочетании с мудрыми и одновременно простыми словами темнокожего американского джазиста, что продолжал петь из граммофона.

Когда Иона пропал из вида, Жора негромко сказал:

– Ника, послушай меня. Если этот милый старикан не настолько мил, как кажется, и точно знает, где искать Эда, то все равно тебе не следует говорить о наших намерениях вот так, прямо.

Вероника ответила, раздражаясь значительно меньше, чем до того:

– Ты тоже меня послушай. Ты здесь, чтобы помогать, а не учить меня, как себя вести. Я сама знаю, так что расслабься и пей. Вкусный, кстати, чай, – она шумно сёрбнула.

Жора усмехнулся и парировал, совершенно не обидевшись на беременную женщину:

– Я не собираюсь тебя учить. Ты сама кого хочешь научишь. Просто мы же команда, верно?

– Ну, да, команда.

– Так вот, я подумал, нам с тобой нужна какая-нибудь легенда, говорить правду не стоит, иначе можем спугнуть...

– Стоп, Гоша. Думай в другом направлении. Кто-то же отправил те письма. И это был скорее всего именно этот Иона, добродушный дед, с которым ты так мило беседовал. И он точно знает, кто мы такие, говорю тебе. Только придушивается.

– А что, если ты не права?

Ника многозначительно посмотрела на Жору, поставила кружку с чаем на пол, откинула плед, а затем, кряхтя, поднялась из насиженного теплого кресла, прошла сквозь весь зал, остановилась возле проигрывателя. Ника сняла иглу с крутящегося черного диска, и музыка тут же оборвалась. В отеле сразу стало тихо, как в склепе. Впрочем, все еще потрескивали дрова и от усилившегося снаружи ветра зазвенели окна.

– Чувствуешь? Мы здесь одни на сотни километров. Ты это чувствуешь, Гоша? Мне страшно. Потому что это не наш мир. Тут все чужое. И лично меня не убедят в безопасности никакие добрые слова песенки из этой вот штуки. Да и можжевелевый чай с зажжённым камином – это тоже все ерунда, так, для отвода глаз. Зато я точно знаю другое. Тебя легко обмануть. И стараться не надо. Так что...

Гоша мгновенно помрачнел, и Ника, кажется, поняла, почему. Ей вспомнилось «динамо» их первой встречи, произошедшей много лет назад. Неожиданно стало смешно, и она почти рассмеялась, как вдруг раздался странный звук: какое-то не то цоканье, не то скрежетание по доскам пола. Через мгновение в вестибюль зашла огромная светлоглазая лайка, которая продефилировала по залу и остановилась прямо посередине, между Жорой и Никой. Собака уселась на задние лапы, высунула розовый язык и уставилась на Нику немигающим взглядом. Вслед за животным совершенно бесшумно появилась стройная красивая девушка-альбинос, облокотилась о регистрационную стойку и сказала низким голосом:

– Мистер и миссис Шуст, ваша комната готова. Меня зовут Хильма, можете обращаться по любому вопросу. А теперь прошу следовать за мной.

На эти слова с Вероникой случилась не совсем адекватная реакция: она истерически расхохоталась, потому что узнала «белявку». Это была та самая девушка, которая «заботилась» об Эдике, перематывала его ногу, давала аспирин, а потом пригласила на ритуальную оргию с кровопусканием и жуткими шаманскими танцами. Ника смеялась, но в глазах ее был ужас. Лайка спрятала язык и сомкнула пасть, Жора удивленно посмотрел на свою спутницу, а Хильма вопросительно приподняла левую бровь. Ника резко оборвала собственный смех и без запинки спросила первое, что пришло на ум:

– А вы, Хильма... чем волосы красите?

– Ничем не крашу. От рождения такие.

– И что это за имя? Хильма...

– От прабабки, – не растерялась внучка хозяина, убирая с высокого лба выбившуюся прядку, а затем фальшиво-взволнованно поинтересовалась, – С вами все в порядке, миссис Шуст?

– Никакая я не миссис! Еще чего? Вы что, подумали, мы муж и жена? О, нет. Это не так. Мы не вместе! То есть, приехали на одной машине, но это вовсе не значит...

Хильма безразлично пожала плечами и вздохнула:

– Окей. Так вы идете?

Ника отозвалась с вызовом в голосе:

– Разумеется.

Когда шли по темному коридору, Хильма объяснила, что свет тут не включают потому, что электричество идет от генератора и приходится экономить. Прошлой зимой где-то оборвало линии передач, до сих пор не починили, вот так в потемках и коротают почти все время, пока туристы не заезжают. Да и те, по правде сказать, не в обиде. Им так даже нравится, потому что отсутствие света подчеркивает отчужденность и экстремальность путешествия.

– Вот, ваш номер. Располагайтесь.

Хильма распахнула дубовую дверь в комнату, свет в которой кое-как, но все же горел. Внутри приятно пахло свежими простынями и еловыми шишками. Гостей встретил самый простой интерьер: единственное окно, тяжелые занавески, неяркий торшер льняного абажура, дверь в туалет с душем, небольшой камин, раскладное кресло у зажжённого огня, две тумбочки и одна широкая кровать. Это все.

– Это все? – Ника ткнула пальцем на две подушки, – Я же, по-моему, четко сказала, мы не пара.

– Я это уже поняла, – флегматично отозвалась Хильма, – Чем могу помочь... *мисс?*

– Чем помочь? Сперва просто ответьте. Что это такое?

– Кровать. А на что еще это похоже?

– Это *единственная* кровать. Е-дин-ственная! Что не понятно?

– Вы не хотите спать с вашим спутником? Ладно, тогда вам, – Хильма обратилась к Жоре, – мы можем предложить отдельное место с потрясающим видом. Это будет тоже хорошая, и главное, тихая комната.

– Благодарю, но я предпочту остаться здесь, – Жора оглянулся по сторонам, – Вот, по-моему, очень удобное кресло. Если у вас будет лишняя пара теплых одеял, то, считайте, мы договорились. Вероника в таком положении, ее не стоит оставлять одну.

Хильма с неприязнью посмотрела на Нику, зато улыбнулась Жоре и сказала ему с некоторой

долей кокетства:

– Хорошо, тогда. Для вас я найду самые теплые пледы. Чувствуйте себя как дома. Приятного отдыха.

– Еще раз спасибо.

Жора учтиво кивнул головой. И странная белая девушка прежде, чем уйти, бесстыдно задержала свой взгляд на его члене, а затем еще раз взглянула в глаза с каким-то тайным смыслом. И только потом развернулась, чтобы выйти в коридор.

Как только за ней закрылась дверь, Ника с яростным шепотом набросилась на Жору:

– Ты что, ей глазки строил? И что это вообще значит?! Какого черта, я тебя спрашиваю, ты решил остаться в моей комнате?

Но ответ был резонно сух и почти безэмоционален:

– Вчера ты позвонила по телефону и слезно призналась, что наконец все решила. Сказала, что выйдешь за меня замуж. А сегодня, получается, даже не хочешь, чтобы я спал рядом.

– Обстоятельства изменились! Ты что, не понимаешь?

– Окей, я попрошу другую комнату, – вздохнул Жора, и добавил, собираясь уходить, – Но когда ночью за окном завоюют волки, а они завоют, Никочка, тогда ты вряд ли обрадуешься, что прогнала меня.

В ее памяти живо всплыли воспоминания о первой ночи Эдика в этом самом месте, и то, с каким паническим ужасом он рассказывал о вое в ночи. Решение и гнев Ника сменила с быстротой падающей кометы:

– Постой, постой! – и даже руку положила на грудь Жоры, – Ты прав! Оставайся. Если там, снаружи, начнут выть, я с ума сойду. Так что я передумала. Спи здесь.

– А знаешь, я тоже передумал. В кресле будет не удобно. Пойду, пожалуй. Попрошу другой номер.

Жора посмотрел на две пуховые подушки у изголовья кровати. Ника поймала его взгляд и запротестовала:

– Даже не думай! Ты будешь спать на кресле!

– Нет, моя дорогая, я буду спать именно в кровати. В этой или в любой другой. Выбирай!

– Беременным не отказывают! Имей совесть! Ты же сам сказал, мы теперь команда. Помнишь?

А кто спит с напарником? Только беспринципные, опустившиеся, ужасные...

Ника не нашлась, что сказать, и Жора успокоил ее:

– Да понял я, понял. Не напрягайся. Просто хотелось посмотреть, как ты будешь меня упрашивать.

– Вот ты гад!

Она несильно стукнула заулыбавшегося Жору по плечу, но тут же и сама улыбнулась в ответ:

– Так ты не уйдешь?

– Конечно нет.

Вскоре Хильма принесла дополнительные пледы, и всё более или менее устроилось. Настало время сна. Свет погас. Дрова в камине прогорели. Чтобы не было страшно, шторы решили плотно занавесить, чтобы не видеть силуэты колышущихся на ветру сосен, тех самых, что были на видео.

Ника и Жора лежали в полной темноте, пожелав друг другу спокойной ночи, но ни один из них не сомкнул глаз, ожидая чего-то нехорошего, какого-то подвоха, типа руки на подоконнике или страшного звериного воя снаружи. Впрочем, ничего такого не случилось. И тогда каждый начал думать о своем.

Жора мучался от того, что его любимая женщина, раздетая, в кровати, находилась сейчас так близко, а он даже не мог к ней прикоснуться. Не имел права. Он слышал ее дыхание, буквально ощущал жар ее тела, чувствовал дурманящий запах, и в сознании возникали яркие образы их возможного секса: неистового или нежного, с ручьями пота по спине и груди и льющейся влагой между ног, с нескромными стонами и предутренней усталостью и жаждой.

То ли от возбуждения, то ли от тепла камина, но щеки Жоры горели огнем, да и все тело наливалось упругой истомой. Ему даже пришлось через какое-то время лечь с живота на бок, сгибая уже несгибаемое. Чтобы отогнать такие приятные, но совершенно недопустимые мысли, он тихонько высунул руку из-под пледа за кресло, где на полу, под сложенной одеждой, нащупал холодную сталь спрятанного «Вальтера». Контуры пистолета напомнили об их с Никой миссии. И плотское желание постепенно стихло. Жора уснул.

А вот Веронике пока не спалось. Она тоже думала о сексе, но не с Жорой. Она вспоминала тот день, когда танцевала стриптиз в спальне перед включенным телефоном, и Эдик бросал в нее свою одежду. А потом они трахались. Ника подумала, что в тот раз они именно трахались, а не занимались любовью, потому что их мысли были направлены исключительно в себя, то есть, им нравилось смотреть на собственное изображение в телевизоре, идущее с телефона; им нравилось наблюдать за собой со стороны, будто это и не они вовсе, а какие-то другие люди: пошлые, дикие, разнузданные и совершенно аморальные. Ника улыбнулась, вспоминая, как в погоне за особо крупным планом они с Эдиком неуклюже задели мобилку, и та полетела на пол. Но от этого стало только лучше, потому что Эд бесцеремонно стащил Нику вниз, и все случилось прямо перед объективом! Она почувствовала, что вот-вот кончит, и немножко помогла себе, как это делала раньше. Уже через минуту мрачная, темная комната отеля будто взорвалась волнами беззвучных

фейерверков и праздничного салюта. Ника укрылась под одеялом с головой, чтобы ни единого звука не вырвалось наружу. Приятные легкие спазмы пробежали от бедер по животу и выше, пальцы ног разошлись широко в стороны, а затем с силой подогнулись. От шеи к плечам разлилось пузырьками шампанского характерное покалывание, как признак настоящего яркого оргазма. Ника, закусив губу, судорожно простонала в подушку, а затем резко отбросила ее в сторону и высунулась из-под одеяла, прислушиваясь. Жора по-прежнему мирно спал. Его ровное дыхание казалось водной гладью по сравнению с бурей ее судорожных всхлипов. Такого с Никой не случалось уже очень давно. Она и сама не понимала, почему именно сейчас, в совершенно неподходящий момент случилось то, что случилось. Но это было безумно приятно. Ника полностью откинула одеяло, ставшее излишним, приподнялась на локтях и почувствовала густой запах выделений, идущих снизу. Стало стыдно, но в душ она все-таки не поднялась и окно, чтобы проветрить комнату, не открыла, лишь прошептала, обращаясь к креслу:

– Сладких снов, Жорик. Твоя мечта почти сбылась, а ты так и не узнал об этом.

А затем, довольная собой, упала на постель и очень быстро уснула. Ей приснился странный, пугающий сон, в котором явь и небыль перемешались так плотно, что не распутал бы ни один шаман.

Когда взошла молодая луна, заливая «Туманную гору» серо-синим, ветер стих, и сосны больше не качались. Из труб отеля перестал валить дым сгорающих дров. Воцарилась тишина под звездами, как в сказке мертвого поэта. Заухали совы – ночные хищницы, полетели к отелю. А за ними вслед, невдалеке, на каменный утес ступила нога ночного человека. Его стоптанный кроссовок без шнурка подмял под себя высохший остов лишайника, перетирая лобарию в пыль. Его старая одежда провисла бесформенными тряпками. Его сплетенные на голове волосы взъерошились клочьями и открыли проплешины струпьев.

В соседней комнате, за стеной от спящих, всего в каком-нибудь метре, собака по кличке Найра открыла белесые глаза и тревожно посмотрела в окно без штор. Лайка не видела ночного человека в подлунном лесу, но почувствовала его незримое появление где-то там, снаружи, и утробно зарычала, обнажая блеснувшие во мраке клыки. Затем она подняла хищную морду, чтобы безмолвно просить хозяйку разрешения пуститься в травлю. Но Хильме было не до пса. Альбиноска стояла перед бревенчатой стеной почти вплотную и принюхивалась, словно дикий зверь, учуявший течку самки. Хильма была совершенно голой, и ее бледная фигура выделялась в темноте неосвещенной комнаты единственно светлым пятном. На загровке неподвижной снежной

девы поднялись мелкие волоски, на руках и груди проступили пупырышки гусиной кожи. Глаза Хильмы закатились под лоб. И вся она сейчас была напряжена, находясь в состоянии транса: руки приподняты, ноги расставлены, голова мерно ходит в стороны, повинуюсь какой-то внутренней музыке, не слышимой внешнему миру.

Ника открывает глаза и замечает над собой низко свисающий старый фонарь, тусклый свет которого пробивается сквозь дымку курильниц, но больше никуда не доходит. Стен и потолка не видно. Вокруг Вероники сгущается черная пустота. Руки привязаны за спиной к тяжелой крестовине, а раздвинутые почти до шпагата ноги прочно закреплены цепями к кольцам в полу. На девушке одеты все еще влажные от мастурбации трусики и футболка спальной пижамы. Ее огромный живот выпячен вверх. Ника нервничает, но делает это вяло и неактивно. Ей хочется спать, а не разгадывать загадки: «где она?», и «что тут делает?»

Но вот из темноты появляется шаман, и она вздрагивает, мгновенно пробудившись от полудремы забвения.

– Здравствуй, Вероника, – медленно произносит тонкогубый рот колдуна.

Она пытается рассмотреть лицо, испещренное глубокими морщинами, поверх которых нанесены белой краской непонятные символы, но шаман быстро уходит. Мгновения тянутся капающим в пустоту густым диким медом.

И вот наконец одиночество и тишину нарушает странное шарканье.

Под фонарём появляется волосатый карлик, который неуклюже передвигается на четвереньках, словно парализованная гончая, взявшая свежий след. Ноздри полурослика широко раскрываются, жадно втягивая воздух. Карлик подползает ближе. Когда его грязный нос касается оголенной щиколотки, Ника не выдерживает и начинает панически шептать:

– Прочь! Уходи! Пошел прочь!

Но маленький страшный человек не реагирует, а наоборот лишь еще ближе продвигается к животу. Он долго и с шумом принюхивается. Совсем как змей, часто и мелко высовывает язык, пробует воздух на вкус. Он знает, что его жертва обездвижена, и поэтому бесцеремонно приближает свою огромную голову к промежности раскоряченной девушки, от чего та орет уже во все горло, отчаянно, но безрезультатно пытаясь сдвинуть ноги. Крик совсем не отпугивает карлика, и даже наоборот, придает ему уверенность. Он цепко хватая Нику за ляжки с внутренней стороны и поднимается выше от благоухающих трусиков до выпятившегося сквозь футболку пупка, а затем начинает бережно и нежно гладить беременную пленницу по огромному животу, приговаривая:

– Тише, тише. Ну, ну, ну. Все хорошо. Тише. Не надо кричать.

Но Ника и не думает замолкать, орет, срывая горло в хрип:

– Отвали от меня! А ну, не трогай! Пошел вон! Слезь, гадина! Отвали!!!

Но самое ужасное, внезапно понимает она, чудовищный недоросль разговаривает отнюдь не с ней, а с животом! Продолжает диалог, не обращая внимания на вопли. А затем он оголяет место вокруг пупка, высвобождает ее одежду, задирая на груди, и открывает неестественно увеличившийся в размерах рот с большими гнилыми зубами, чтобы укусить, как вдруг раздается громopodobный стук о жесть закрытой двери. Вероника и карлик тут же оборачиваются.

Сон обрывается в точности так же, как и видеофайлы Эдика, блекнувшим стоп-кадром с перепуганными лицами: одним мертвенным, женским и другим страшным, мужским.

Глава пятая

Ночь прошла, настало утро ясное, солнце взошло. Засветило, улыбнулось сквозь щели штор, и поднялось чуточку выше, заливая Карелию золотом и еще пол мира в придачу.

Вероника проснулась. Она все еще видела перед глазами кое-что из недавнего сна, поэтому перекрестилась, как учила ее в детстве набожная бабушка Катя, и произнесла бодро, без страха:

– Святой Самсон, куда ночь, туда и сон.

Затем кивнула, одобряя себя, и собралась в новый день. На этот раз кошмар вовсе не высосал из нее сил, а наоборот, каким-то непостижимым образом придал энергии. Вот такая вот получилась аномалия.

Ника заметила слегка отодвинутые на сторону гардины и за ними приоткрытое окно, через которое в комнату шел морозный свежий воздух сентябрьского утра. Жора позаботился, догадалась Ника, и взглянула на кресло, но там уже никого не было. Очевидно, ее товарищ по спасательной экспедиции проснулся немножко раньше и отправился на разведку. Она села на кровати и с удовольствием потянулась, словно большая кошка, разминая мышцы спины и предплечий. Настроение рождалось хорошее.

Одновременно с этим неподалеку от отеля Жора нашел большое помещение (не то склад, не то ангар, не то хлев), о котором рассказывал Эдик, и в котором, по всей видимости, проходил тот страшный обряд. Окон у постройки не было, а единственная дверь, обитая жестью, оставалась закрытой. Жора несколько раз постучал в нее кулаком. Никого, разумеется, за ней не оказалось, лишь гулкое эхо отозвалось где-то внутри «ангара», прогрохотало и смолкло.

Часом ранее Жора уже собирался на прогулку. Он умылся, побрился, принял душ. И, так как Ника все еще спала, решил ее не будить, пошел изучать окрестности в одиночестве. У регистрационной стойки в холле гостиницы его встретил гостеприимный Иона кружкой горячего

можжевелового чая, и любезно рассказал о местных достопримечательностях, даже дал отпринтованную черно-белую карту формата «А4» с нужными отметками, обозначившими живописные места: Тетерев водопад, утес Каменный, висячие болота, карельский «Стоунхендж», ложбина тысячи лиственниц, озёра-близнецы, трехсотлетняя козья ива и так далее. Еще хозяин «Туманной горы» предложил немного подождать у камина, и тогда его внучка сделает отличный омлет с ветчиной, сыром и овощами (завтраки включались в стоимость проживания). Но Жора отказался, у него с собой в рюкзаке и так было припасено еды на целый день: рыбные консервы, варёные яйца, колбаса, хлеб, лук, соль, питьевая вода во фляге. На вопрос куда он собирается отправиться в первую очередь, Жора пообещал посмотреть все указанные на листке бумаги красоты края за один раз, следуя обозначенному пунктиром маршруту. Но на самом деле план состоял в другом, просто Жора не стал в него посвящать любопытного Иону. И когда они расстались, то пошел своим путем изучать то, куда обычно не забредали туристы, то есть исследовать «белые пятна» на карте. Ведь если Эд здесь, и его удерживают силой, то вряд ли стоит искать следы в местах, где время от времени появляются непосвященные.

Ближе к полудню небосвод затянуло тяжелыми тучами. И если до этого момента еще чувствовалось прощальное тепло уходящего лета, то с потерей солнца сразу стало как-то постариковски тоскливо и холодно. Ветер стих. По склонам холмов поползли туманы. Умолкли пуночки, зато запищали тревожные крохи-корольки, суетливо мельтешащие по кустам. Драной кошкой где-то в вышине закричала сойка, испугавшись появления человека. Ей вторила трескучая сорока. А затем они обе, словно ворчливые ведьмы, улетели прочь, так и не появившись в сгустившейся плотной дымке упавшего облака.

Уже через час пути Жора входил в кедровник. Мощные, высокие деревья с толстыми стволами, массивной рыжей корой и увесистыми шишками были чем-то иррационально большим в мире карликовых берез и коренато-мелких сосен. Казалось странным, что этот удивительный лес, так сильно выделяющийся из общей канвы, не нанесли на самодельный план местных достопримечательностей. Его следовало изучить повнимательнее. Мягкая подстилка из мха и хвои опавших иголок скрадывала шелест шагов, а сгустившийся туман ограничивал видимость. Жоре стало немного не по себе. Да, теперь он мог бесшумно передвигаться по безлюдному лесу, никем не видимый и не слышимый, словно рыщущий хищник в поисках добычи, но точно так же кто-то незамеченный мог красться и за ним. Осознанно или нет, но образы притаившейся угрозы неизбежно появлялись в сознании, окажись человек наедине с природой на достаточном удалении от себе подобных. «Будь охотником или будь добычей. Интересно, как бы это звучало на языке саамов?» – подумал Жора, всматриваясь в белесую зыбь.

Чувство тревоги, возникшее ранее, усилилось, когда смолкли последние пищухи, и перестали шептаться ветви в вышине. Стало темно, тихо. Звонящее безмолвие показалось зловеще inferнальным.

Туман расступился на миг, и Жора вдруг увидел невдалеке одинокого человека на поваленном дереве. Мужчина в безразмерном плаще цвета хаки сидел к Жоре спиной и был совершенно недвижим. Его широкие плечи, но понурая осанка напоминали памятник скорбящего воина у могилы погибших товарищей. У Жоры волосы стали дыбом, и похолодело на сердце. Он остановился и решил окликнуть незнакомца, обозначив свое присутствие:

– Эй, здравствуйте!

Ответа не последовало. Тогда Жора запустил руку под куртку, нащупал под мышкой пистолет (не до бравады), и только затем сделал шаг вперед, повторяя:

– Здравствуйте! С вами все в порядке?

«Скорбящий воин» опять оставил приветствие без внимания, так и не сделал ни единого движения. Жора, уже не таясь, вынул оружие. Громко лязгнуло затвором, курок «Вальтера» переместился в боевое положение.

Когда до незнакомца оставалось пару шагов, внезапно открылась жуткая картина: перед ногами пожилого мужчины дымились еще теплые, совсем недавно вывалившиеся внутренности. В нос мгновенно шибануло вонью тухлого мяса и фекалий. Первое, что подумалось: гора кишок принадлежит сидящему, и тот уже труп, но уже через секунду стало ясно, что нет, все не так. Старик в плаще медленно поднял свои выцветшие серо-голубые глаза и грустно спросил:

– Вы из полиции?

– Да, – ответил Жора, почему-то растерявшись, – Как вы догадались?

– У вас же пистолет в руках.

Жора всмотрелся в небритое лицо незнакомца, на котором отчетливо читался испуг, и убрал оружие. Стало ясно: странный пожилой мужчина вряд ли опасен. Мысль о том, что он сам, Жора, может запросто оказаться бандитом, разбойником с большой дороги, сидящему на поваленном дереве в голову, похоже, не пришла. Очевидно, лиходеев в этих краях попросту не водилось. К легкой растерянности добавилось немного стыда. Пришлось как-то заглаживать неловкость. Жора произнёс извиняющимся тоном:

– Ну... да, я из полиции. Вы простите, что напугал. Просто... А что это вообще такое?

– Это? – старик посмотрел себе под ноги, – Внутренности лося. А вы что подумали? Вот, смотрите: это прямая кишка, это двенадцатиперстная. А вот, обратите внимание, какой огромный желудок!

Говоривший энтузиастически схватил с земли прутик и тут же подковырнул им огромный бесформенный кусок требухи. Заскользило, засочилось, плюхнуло обратно. К горлу Жоры мгновенно подступил рвотный ком из недавно съеденной и уже полупереваренной трески, накрошенного лука и сваявшегося бородинского хлеба.

Неюный натуралист, знаток анатомии, продолжил, не поднимаясь с поваленного кедра:

– Разрешите представиться, меня зовут Ия!

– Г-георгий, – с силой подавил в себе желание блевануть Жора. На выпотрошенные внутренности он старался больше не смотреть.

– Давайте присядем, молодой человек. В ногах правды нет.

Жора сел на поваленное дерево, но не очень близко. Ия незамедлительно поинтересовался:

– Вы ведь не зря появились в этой глуши?

– Можно сказать и так.

– Тогда спрашивайте. Если вы что-то ищите, я помогу.

– Вы здесь живете?

– В самую точку. Это мой дом. Видите ли, я аскет. Знаете такое слово? И что оно значит?

Жора внезапно предположил, что имеет дело с сумасшедшим и опять напрягся:

– То есть, ваш дом – эти деревья?

– Нет, нет! Я не псих! Жилище, в котором я ночую, находится дальше, за теми холмами. Но, кажется, я начал понимать. Вы из полиции. Так? Кого-то ищите. Вот и пистолет у вас есть. А это значит, вам нужен мой сын! Угадал? Кого он напугал на этот раз? Поймите наконец, Самсон хороший человек! Да, у него ахондроплазия, и что? Он вовсе не карлик и не лилипут, как может показаться. А шерсть на лице – это просто большое родимое пятно. И он его периодически бреет. А вот делать поспешные выводы, основываясь только на внешности, это, извините за откровенность, совсем недостойно представителя власти, коим вы являетесь, Георгий.

«Похож на актера Энтони Хопкинса, – неожиданно понял Жора, – такой же пытливый взгляд, говорит доходчиво, при этом обладает несуразной фигурой и угловатой манерой крутить головой в стороны», но вслух, конечно же, произнес другое:

– Успокойтесь, Ия. Я здесь по другому поводу. Ваш сын не при чем. И, кстати, если это кишки лося, то почему я не вижу тушу самого животного?

Новоиспеченный «Хопкинс» взглянул на Жору, как на нерадивого ребенка и ответил сокрушенно:

– Я думал, это очевидно. Вы не видите лося, потому что его здесь нет!

– Тогда откуда взялись эти внутренности?

– Вы серьезно?

– Вполне.

Ия тяжело вздохнул, посмотрел в небо, будто ожидал оттуда помощи, а затем протянул куда-то в сторону:

– М-д-а-а. Как низко пал сегодняшний сыск. Вы, Георгий, явно не Фандорин-семи-пятей-волбу.

– И даже не Жеглов с Шараповым, – ничуть не обидевшись отозвался Жора, и затем бодро добавил, – говоря вашим языком, скорее Пинкертон. Я коп, лишенный воображения, которому просто не терпится пострелять или засадить кого-нибудь за решётку.

Снисходительно-покровительственное выражение лица Ии вновь сменилось легким испугом, от чего Жора удовлетворился:

– Так что отнеситесь к моему вопросу серьезнее. Итак, откуда взялись эти кишки?

– Я их сюда принес, – с готовностью ответил Ия.

– И зачем?

– Антропомантией занимались еще кельтские друиды. До наших дней гадание на внутренних органах дошло лишь в упрощенной форме. Гаруспиция этрусков, если угодно.

– То есть, вы гадали? Разве у карелов такое принято?

– А что вы знаете о карелах?

– Не много, – честно признался Жора.

– Ну вот вам и ответ. Хотя, по правде сказать, далеко не каждый просвещенный шаман возьмется за такое.

– Так вы, значит, шаман? – оживился Георгий.

– Нет конечно! Всего лишь никому не нужный доктор никому ненужных наук, – Ия поднял вверх сразу обе брови и сморщил лоб, изображая не совсем уместное удивление.

Ученая степень в какой-то мере объясняла чудаковатость отшельника и невысказанные причины аскеты. Жора понимающе закивал. Но на этом странный разговор не окончился. Ия спросил еще:

– Вы когда-нибудь слышали легенды племени Шошòни?

– Нет. Кто это такие?

– Прото-саамы. Они жили здесь. Охотились, ловили рыбу, разводили оленей. Я расскажу вам одну историю. У вас ведь найдется минутка?

– Я весь во внимании.

– Давно не практиковал, знаете ли. А все еще нуждаюсь в аудитории.

– Так о чем ваша легенда?

– О Звере, – Ия с предвкушением потер ладони, и начал голосом заправского лектора, – Шошони, малочисленные, но воинственные язычники, некогда поклонявшиеся грозным духам леса, реки, огня и Полярной звезды, испокон веков обитали в этих краях, пока по большой воде не пришли люди на огромных ладьях, и не выжгли каленым крестом всех до единого. Другие, саамы, весь, чудь, вепсы, все те, кто принял Византийского Бога или ушел в тундру, остались живы. Но только не Шошони. Киевский князь Ярослав, сын Всеволода Большое гнездо, с походом на Емь искоренил непокорное вздорное племя, потому что новая церковь Рюриковичей не желала видеть упрямых еретиков на просторах зарождающегося государства. Даже упоминания об этом своенравном народе стали вне закона... Шошони... их больше нет на страницах истории. И все же тогда остался, выжил один из них – старый шаман Кимама. Запретными ритуалами и черной, как сама первородная ночь, магией, он поднял заблудшие души из мертвых тел своих несчастных соплеменников, и переселил их в зверей. Кому-то досталась лань, кто-то стал волком или дикой кошкой. Лишь душе не упокоенного вождя Сиокса не нашлось места в подсолнечном мире. И тогда шаман Кимама заключил дух великого воина в бестию лунного царства, в тело огромного Зверя, который стал проклятием поселившихся в этом краю христиан. Они то и дело находили мертвый скот, их урожай гиб до всходов. А однажды обоз Александра Невского, сына того самого киевского правителя Ярослава, наткнулся на целую деревню вырезанных, разорванных в клочья переселенцев с востока. Подумали разное. Крестonosцы в те времена держали пограничья в беде, Монгол лютовал. Да мало ли кто это сделал? Не было места справедливости на Руси под игом Орды. И не пошел дальше княжич дознаваться. Впрочем, о Звере знали другие, но не решались говорить... даже шепотом. Его боялись паническим ужасом первобытной памяти пещер, костра и камня. Его не могли убить или прогнать. О нем дрожали ночью, о нем крестились днем. Зверь был неуловим, как ветер, как сон перед утренней зорей. И алая кровь с его когтей и клыков растворялась во мхах, словно силуэт уходящего в туман путника, каждый раз, когда поднималось солнце. Сиокс мстил, пил жизни врагов и жестоко убивал за свой сгинувший народ, за братьев и сестёр, обреченных вечно скитаться неприкаянными в телах лесных тварей. И лишь одно желание Зверя было сильнее жажды крови. Сиокс неистово хотел возродиться, стать вновь человеком...

Неожиданно Ия умолк, а затем, словно вернувшись из прошлого тысячелетней давности, сморгнул, усиленно потирая виски, и произнес, но уже как-то обыденно, без поэтики:

– Ну что, я ответил на ваш вопрос, юноша? Тот, что остался незадаанным?

– О чем, вы, Ия? – не сразу отреагировал Жора, все еще находясь под впечатлением легенды, которая точь-в-точь повторяла танец шамана перед людьми в звериных масках на одной из записей

брата.

– Я о вашем: «Какого черта здесь происходит?»

– Вообще-то, нет, не ответили.

– Тогда просто выбросьте из головы и забудьте, как вздорный бред. Лучше возвращайтесь поскорее. Она ждет вас.

– Кто ждет? Ника? – Жора в недоумении уставился на старика. А тот в свою очередь непонимающе посмотрел на Жору:

– Ника? Кто такая Ника? – и добавил, меняя тему, – Вот, возьмите, без этого вам дорогу не найти.

На ладонь Жоры легла маленькая, вырезанная из дерева статуэтка медведя.

– Какой-то тотем? – иронично спросил он.

Ия таинственно улыбнулся и произнес:

– Это Кимама...

А затем они расстались. Жора пошел дальше, Ия же вернулся к изучению внутренностей.

На протяжении дня солнце неоднократно пыталось пробиться через тучи и рассеять их, но всякий раз это случалось ненадолго. Ближе к вечеру Жора решил возвращаться. Бескрайние леса, сфагновые луга, заболоченные равнины и туманные холмы так и не дали подсказки, где искать Эда. Предусмотрительно прихваченный с собой компас оказался как нельзя кстати. По нему удалось найти проселочную дорогу, ведущую на юг, к отелю.

Жора устало шагал по выбоинам безнадежно устаревшего, давно умершего Горбачёвского асфальта, когда сзади раздался нарастающий звук приближающегося автомобиля. Вскоре Гошу догнал казенный «уазик» покраской того самого прошлого, когда полиция еще была милицией, и отличительной чертой любого из авто оставалась «советскость» двигателей и непримиримая ортодоксальность полу-обтекаемых форм. В простонародье «Бобик», по паспорту «УАЗ-469», встал и тут же заглох, лишь обогнав Жору. Из открытого окна высунулся грузный парень в старой форме участкового и с такой же неновой фуражкой. Полный юноша произнес без тени эмоций:

– День добрый.

Жора подошел поближе и всмотрелся в взбитое, словно тесто, лицо блюстителя порядка, и дружелюбно сказал:

– Замечательные у вас тут места!

– Что есть, то есть. Не видел вашей машины.

– Так я ее дальше оставил, по дороге, где отель.

– Скоро ночь. Могу подбросить.

– Спасибо, но не сто́ит. Хочу еще немного пройтись.

– Волков в этом году развелось, – не унимался рыхлолицый, – Днем спят, ближе к вечеру выходят на охоту. На вашем месте я бы не рисковал.

– Да все нормально, лейтенант, можете ехать.

Участковый насторожился, приоткрыл дверцу, готовый вот-вот выйти на дорогу, сказал с подозрением:

– У отеля, значит, остановились?

– Ну, да. «Туманная гора». Хозяин Иона со своей внучкой очень гостеприимные люди. У них еще эта лайка, ну, знаете, типа хаски...

Жора попытался улыбнуться еще шире и наконец отделаться от навязчивого полицейского, но тот мрачно оборвал поток дружелюбия:

– Отель сгорел еще в двенадцатом году, – и после напряженной паузы грозно добавил, – гражданин, сделайте два шага назад.

Жора, не разгадав серьезности намерений собеседника, легкомысленно отмахнулся и полез во внутренний карман со словами:

– Все в порядке, шеф, не надо нервничать...

Но договорить не успел. Полицейский неожиданно выхватил маленький пистолет «Макарова» и наставил его прямо в улыбающееся лицо, выкрикнул:

– Стоять, мля! Не с места! Руки на затылок!

А затем, не дожидаясь выполнения приказа, живо выбрался наружу.

Жора стал более серьезным и очень медленно, уже не провоцируя, вытянул удостоверение личности, открыл и протянул фотографией вперед, проговаривая:

– Старший лейтенант, Георгий Шуст, полиция СПб. Вот, приятель, сам смотри, – и пока тот разглядывал «корочку», продолжил, – так что мы с тобой, считай, коллеги из одной конторы. Только я тут не по работе, а так, отдыхаю. И что это вообще значит: «отель сгорел»?

Мрачный полицейский еще немного попялился в раскрытое удостоверение, а затем, видимо удовлетворившись прочитанным, опустил оружие, но не извинился, а коротко буркнул:

– Сгорел. Еще в двенадцатом, – и дальше, пряча «Макаров» в кобуру на поясе, стал говорить о другом, – У нас люди пропадают каждый год. С того монета, как землю отдали под «этно-», властям особо и дела нет. А вот какой ты мне коллега, Георгий Шуст, я не знаю. И раз уж мы перешли на «ты», садись-ка ты в машину. Поедем в Уручье. До участка дорога не быстрая, вот и расскажешь, что ты тут на самом деле делаешь.

– Хорошо, – неожиданно быстро согласился Жора, и пошел к дверце пассажирского сидения,

попутно поинтересовавшись, – а имя у тебя есть, товарищ участковый?

– Сергей Леонидович, – неохотно отозвался тот, и хотел, было, перенаправить встретившегося на дороге городского туриста назад, за решётку заднего сидения, но поймал на себе его взгляд, полный скептицизма, и передумал, – ай, ладно, *ехай* спереди.

Когда мотор «уазика» надрывно хрюкнул и завелся, Жора предложил:

– А в Уручье не надо. Есть идея получше.

Остановились через полчаса на живописной площадке, возвышающейся над каменными пустошами. Внизу, среди многочисленных валунов, расстелилось заболоченное поле пушицы, по которому уже засочились туманы, предвещая холодный вечер. Участковый и его условно задержанный стояли рядом с «бобиком» и смотрели вдаль с холма на зарождающиеся сумерки. Это живописное место было выбрано не случайно.

Серьезный Сергей Леонидович затянулся дешёвой сигаретой и протянул Жоре очень старую, с огромной антенной, телефонную трубку спутниковой связи:

– Вот. Звони. На этом холме единственное место, где берет. И то, через раз. Так что, сомневаюсь я, что тебе ответят.

– Мне повезет.

Жора быстро набрал нужный номер и уже через несколько секунд стал говорить:

– Привет, Линда. Да... это я, да... Слушай... Нет, погоди ты! Слушай внимательно. Нет... Тут ситуация. Нужно подтвердить мою личность... Давай.

И передал трубку. Участковый бросил под ноги окурок, затушил носком ботинка и произнес:

– Лейтенант Медведев. Слушаю... – затем он какое-то время молчал, а после убрал радиотелефон вниз, прикрыл ладонью и сказал иронично, обращаясь к Жоре, – Ладно, Георгий Шуст, все в порядке. Ты и вправду коп. Подтвердили. А еще на том конце сказали, что ты, цитирую: «мудак», потому что ведёшься на всякую чушь.

Дальше тествощёкий лейтенант протянул трубу обратно, и Жора тут же услышал громогласный женский голос:

– Алло?! Гоша? Ты тут?

– Да, – коротко отозвался он.

И началось:

– Вот, сука, ты умеешь попадать! Не знаю, во что ты там опять вляпался, но тебя круто развели! Как всегда! И если спросишь, то я скажу, кое-что мне все-таки удалось нарыть, пока ты там катался со своей неврастеничкой.

– Дай угадаю. Получила результаты ДНК-теста?

– Да, сука, получила!

– И палец не принадлежит Эдику, я правильно понял?

Линда усмехнулась, поражаясь проницательности напарника и продолжила:

– Правильно, правильно. Этот обрубок вообще никому не принадлежит!

– В смысле? Это как?

– А вот так! Обыкновенный муляж. Такие на Хэллоуин продаются по пятихатке за штуку.

Пластик и силикон, Шерлок! Пластик и силикон!

Жора с облегчением усмехнулся. Его уже второй раз за день сравнивали с гениями сысского пантеона, и он понадеялся, что на этот раз в позитивном смысле. Новость о том, что палец не был Эдиковым, вселяла оптимизма. И все же Жора засомневался:

– А что с кровью? Отличить ее от клинового сиропа я еще в состоянии. Не может ведь такого быть, что б тоже подделка?

– А вот тут интересно, – отозвалась Линда, – кровь как раз настоящая, – сказала и умолкла.

– Говори, не беси. Кровь Эдика?

– Да при чем здесь твой сраный братец? Конечно, нет! Не угадаешь. Кровь, похоже, вообще не человеческая. В лабе говорят: какого-то животного, то ли собаки, то ли еще что. Точнее не скажут. Это в институт обращаться надо. А там быстрее, чем за две недели не сделают.

– Понял, – протянул озадаченный Жора, – ладно, Лин, спасибо, помогла.

– Так не за что. Давай уже возвращайся быстрее.

– Бывай, напарница, – и когда связь прервалась, Жора в задумчивости обратился к участковому, отдавая ему телефон, – так, значит, говоришь, Сергей Леонидыч, я мудака?

– Не я говорю, а твоя подруга. Это ее слова, – сказал тот с довольной улыбкой на пухлом лице.

Жора понимающе закивал:

– В следующий раз советую на слово не верить, и прежде, чем сажать в машину неизвестного попутчика, лучше обыскивай сначала на предмет оружия. Вдруг у меня ствол под одеждой? Это я так, к примеру. Глядишь, так и жизнь себе однажды спасешь.

А затем Жора дружелюбно подмигнул лейтенанту. Тот снял фуражку, чтобы пригладить давно немые волосы и вспотевший лоб, промямлил:

– Могу подвезти до машины. Ну или на место, где подобрал.

Старенький головной убор с тусклым гербом вновь лег на мало смекалистое темечко. Жора отрицательно качал головой прежде, чем развернуться и уйти:

– Спасибо, я сам доберусь. Прощай, участковый.

С этими словами он отправился вниз по склону, почти сразу выбросив в придорожный мох наскучившую деревянную статуэтку медведя. Грузный участковый внимательно проследил за тем, куда упал карманный тотем, неспеша подошел и поднял «Кимаму», а затем еще долго всматривался вслед уходящему питерцу.

Вскоре в небе появились первые блеклые звезды. Полупрозрачная луна вышла из-за редяющей пелены расступившихся туч. Запад окрасило малиново-желтыми отблесками заката.

Глава шестая

Этот день Вероника провела большей частью, не выходя из отеля. Утром, проснувшись, прошаркала в вестибюль и не отказала себе в удовольствии съесть большую порцию фирменного омлета с ветчинной, овощами и сыром, что приготовила внучка хозяина. Потом, после завтрака, вернулась в номер, долго мылась в крохотной душевой кабинке, выдавшей лучшие времена, одевалась и даже накрутилась у потускневшего с годами зеркала: почему-то захотелось выглядеть «с иголочки» на фоне надменной альбиноски.

Ближе к полудню Ника пошла бродить среди сосен, особо не отдаляясь, чтобы отель все время оставался в поле зрения. Ей вспомнилось, как на отдыхе в Египте она плавала в море. В тот год регистрировали аномально высокое число нападений акул, поэтому казалось, если под ногами ощущается дно, то это безопасно, а дальше заплывать нельзя, не то непременно съедят. Глупость, конечно, но сейчас было то же самое чувство: пока видна «Туманная гора», ничего плохого не случится. И все же долго гулять с таким настроением не захотелось. Вернувшись в комнату, Ника уселась на кровать и стала изучать в очередной раз записи Эда на мобильном телефоне, периодически уминая что-то из припасенных запасов еды: то консервы, то плавленый сырок, то лук с хлебом.

Когда за окном стемнело, Вероника вышла в холл, где за регистрационной стойкой ее встретил бессменный хозяин гостиницы.

– Как поживаете, Иона? – поинтересовалась она, в попытке развеять скуку.

– Да вот, кроссворды решаю. Еще та зараза, хуже семечек.

Добродушный старик снял с носа треснувшие с краев роговые очки, симметрично обмотанные синей изолентой с двух сторон у дужек, и положил их рядом с шариковой ручкой на пожелтевшую бумагу сборника ребусов, спросил, – Чем могу помочь?

– Наверное, ничем, – отозвалась Ника, и рассеянно продолжила, – Знаете, мой приятель, Жора, он ушел еще утром... гулять по лесу... А уже вечер. Как думаете, мне начинать волноваться?

– В вашем положении волноваться в принципе вредно. Я дал ему карту, не заблудится. А

вообще, скажу так, – Иона заговорщически понизил голос, – выше по дороге есть заправка для дальнобойщиков, километров пятнадцать к северу. Там еще выход на трассу, которая ведет прямо на границу с Финляндией. До старушки совсем близко. Так вот там стоит отличный бар! И если ваш приятель нашел его, то, считай, скоро не будет. В баре всегда свежее пиво и жаренные оленьи ребрышки. Мы тоже покупаем, но только по праздникам, а у них всегда так. А еще там есть кабельное телевидение. Так что не волнуйтесь, ваш друг скорее всего там, и с ним все хорошо.

– Да? Ну, может и так. Тогда не переживаю. Только теперь еще скучнее стало. Иона, а не расскажите какую-нибудь историю или сказочку о ваших краях? Наверняка ведь есть что-то такое? Заодно и время скоротаем.

– О, нет, из меня плохой рассказчик. Да и нет тут никаких тайн. Одна глушь и безлюдье.

– Жалко... – Ника с любопытством посмотрела в прищуренные глаза Ионы и продолжила, – Скажите, вы ведь карел? То есть, местный?

– Конечно. Сколько себя помню, здесь живу. А что?

– И на карельском тоже разговариваете?

– Разумеется.

– Тогда, может, вы бы смогли перевести мне одну фразу?

– Что именно? – Иона поддался вперед, увлекаемый разговором.

Ника напрягла память и воспроизвела предложение, которое шептал страшный карлик прямо перед объективом камеры, когда беспомощного Эдика мучала смуглокожая кровожадная Имппи, вгрызаясь ему в вены уязвимого паха:

– Колмэ-ие хоньгу спай... мийон-пия, – Ника помолчала, а затем повторила еще раз, но уже более уверенно, – Колмэ-ие хоньгу спай... мийон-пия.

До этого момента улыбчивый Иона вдруг помрачнел и стал серьезным.

– Не знаю, кто вам такое сказал, но это боль нашего народа...

– Так переводится? – поспешила перебить Ника, но старик отрицательно покачал головой.

– Нет, переводится по-другому. «Третья сосна от вершины горы».

– И что ж в этом плохого? Почему «боль»?

– Старый обычай. Так назывался праздник плодородия. Точнее место, где его отмечали. Со всех округ приезжали люди. Собирались шаманы, делились опытом у костра, камлали, водили хороводы. Конкурсы всякие, песни, ярмарка. Было интересно! Собственно, все это находилось прямо тут, где сейчас стоит «Туманная гора». Община деньги выделяла, а потом всё разом запретили. Какой-то умник в правительстве края усмотрел в этом безобидном действе опасный культ.

Иона сокрушенно пожал плечами в знак того, что до сих пор переживает по этому поводу. Но Нику этот рассказ не особо впечатлил. Она из уважения кивнула, помолчала немного, а затем рассеяно произнесла:

– Понятно. Ладно, пойду к себе. Доброй ночи, Иона.

– И вам, юная леди, – отозвался он, вновь надевая на нос старые очки в роговой оправе.

Вернувшись вальяжной походкой в комнату, Ника сбросила с себя маску скучающей домохозяйки, по случайности втиснутой в походные обстоятельства, и начала действовать, слегка хаотично, но быстро. Первым делом обыскала оставшиеся в номере вещи Жоры, нашла ключи от машины. Положила их вместе с мобильником в один карман. Во втором спрятала перочинный ножик. Затем набросила на плечи куртку и, не выключая свет, вышла наружу, вновь становясь медлительно-праздной.

– Подышу перед сном свежим воздухом, – отчиталась перед Ионой Вероника, выходя на улицу.

Старик ничего не ответил, лишь неопределенно кивнул.

«Форд Бронко» завелся легко и весело с решимостью застоявшегося в стойле бычка. Нику не особо тревожило, что подумает метрдотель относительно ее «подышать перед сном». Гораздо более серьезной проблемой стало размещение в салоне автомобиля большого живота: беременность на последних месяцах – не самое удобное качество водителя. Живот упирался в руль и отчаянно мешал, но отодвинуть кресло не представлялось возможным, потому что тогда ноги не доставали до педалей. Через две-три минуты кое-как, с горем пополам, Ника все-таки уместилась и тронулась с места. Ехать нужно было вверх по дороге. Бар дальнобойщиков, со слов Ионы, находился именно там. Если Жора действительно пил сейчас в баре пиво, заедая оленьими ребрышками, то Нике не терпелось задать ему трепку. В ее понимании день прошел совершенно впустую, и никаких следов Эда так и не нашлось.

Вероника напрягала зрение, всматривалась в то, что вырывали из темноты сгустившегося тумана мощные фары, и старалась не гнать машину по старой ухабистой дороге. Хоть очень и хотелось вдавить акселератор до упора, она сдерживала гормоны до поры до времени. Мотор мерно рычал, в голове крутились обличительные слова, предназначенные Жоре, как вдруг на дорогу выскочила и стала, как вкопанная, огромная белоглазая лайка. Завизжали тормоза. Благо, скорость оставалась небольшой, и «Бронко» не сбил животное, остановился в нескольких метрах. Ника что есть сил уперлась в руль и выругалась последними словами. Она внезапно почувствовала какую-то жуть в самой ситуации: лес, ночь и никого кроме нее и пса на дороге. То есть, никого, кого можно увидеть! От этого мурашки побежали по спине. А вдруг кто-то прячется в кустах? Совсем близко! Вдруг тут еще кто-то есть?! Она увидела, как угрожающе опустилась голова лайки,

как стала дыбом шерсть на загривке, как беззвучно оскалились крупные кривые клыки. И Ника закричала. Но не столько от страха, сколько от ярости.

В ответ собака устрашающе залаяла и неожиданно бросилась на машину...

Глава седьмая

Придорожное заведение, построенное еще до «перестройки», претендовало на звание «самого заурядного и незапоминающегося бара всех трасс и дорог одной шестой части суши». Как описать то, что не имеет ничего отличительного от тысяч точно таких же забегаловок? Жора не знал. Да и не хотел знать. Ему не было дела до пожелтевших к изгибам пластиковых столов и стульев, старых полок со всякой незамысловатой ерундой от пакетов гречки до паленой водки и носков. Его также не интересовали люди вокруг: синюшно-одутловатая продавщица с маленькими глазками, скучающая за прилавком; двое молчаливых фуру-водителей, траки которых «отдыхали» снаружи; прислонившийся к стенке полу-дремлющий бродяга. Все они не имели значения. В помещении, стены которого сочились сыростью и отдавали впитавшим в себя за несколько поколений никотином, всё внимание Жоры было приковано к сидевшей рядом с ним белоголовой девушке.

Из единственной старенькой колонки в верхнем дальнем углу бара назойливо пела песню вечно пубертатная Натали, что-то о своем детородном желании, но Жора и этого не замечал, он увлеченно слушал Хильму, и больше никого. Перед молодыми людьми на столике стояли две наполовину опустевшие кружки пива, одна общая тарелка с сушеными кальмарами, орешками и сухариками, и еще пепельница, наполненная окурками.

Хильма чиркнула зажигалкой, с наслаждением затянулась очередной сигаретой и продолжила начатое ранее. Ее низкий голос и легкая ухмылка сощуренных глаз могли показаться признаком надменности, но по-детски наивная манера жестикулировать и эпатажно курить, выдыхая только уголками рта, казались Жоре чем-то давно забытым и очень милым.

Девушка обезоруживающе усмехнулась, а затем, будто раскаявшись в невинном грешке, пожала плечами:

– Сам понимаешь, веселья у нас мало. Вот и придумываем всякие штуки. Я всегда мечтала стать актрисой, уехать в Питер, играть в театре. То-есть, они говорят «служить». В смысле, не играть, а «служить». В театре служат! Представляешь? Как в армии!

– Да знаю я, – улыбнулся в ответ Жора и спросил, – И что, не сложилось?

– Дед не пустил, – Хильма подняла вверх раскрытую пятерню, собираясь стукнуть по столу, но так и не сделала этого, а продолжила, – В общем, когда тут твой брат появился... энергичный такой, веселый, режиссер... Понимаешь? То есть, настоящий режиссер! Это у нас... в нашей-то

глуши?! Конечно, я согласилась ему подыграть. А кто бы отказал? Ты не мечтательная девчонка, тебе сложно понять... А я вот сразу уловила, что к чему. Он такую заваруху придумал, это же круть какая! *«Шоу маст гоу он, детка!»* – говорил Эдик. Постановка в риал тайме. Круче любого театра. А еще он обещал помочь с переездом. Роль дать. И, знаешь, я поверила.

– В общем-то, я уже и так догадался, что вся эта ваша мистика с кровавыми оргиями – сплошной развод. Только переборщили вы, ребятки, не слабо так нахреначили.

– Жалко, ты нас слишком быстро раскусил, впереди осталось самое интересное.

У Хильмы азартно заблестели глаза, но Жора не разделил ее готовности к авантюрному продолжению «спектакля», и, прикончив остатки пива в кружке, строго сказал:

– Мой братец просто урод. Он мог бы все рассказать. Хотя бы мне. Я ведь тоже, как и все, ничего не знал. Уже в покойники его записал...

Белая девушка отрицательно качала головой:

–Н-е-е-е-т! В покойники? Ты что?! С ним все в порядке. Вы скоро встретитесь. Просто что бы все сложилось, как задумано, ты не должен был обо всем узнать раньше времени. Аутентичность, так Эдик говорит. А ведь он настоящий профи и, считай, для нас, олухов недалеких, кумир.

– Да, уж. Жесть... а как... все эти видео?...

– Подделка! Говорю же, он гений! Не ругайся сильно, а лучше прости его. Да, Эд заигрался, не спорю. Но знал бы ты, как было круто! Мы ту сцену... ну, где Имппи кровь ему из члена высасывает... далеко не с первого дубля сняли! Вакуумно получилось, скажи? Я, кстати, рядом стояла, только меня не видно на записи. Ты вообще заценил, как он там плачет? Так это не от страха, а от смеха!

Хильма сама рассмеялась, вспоминая пережитое. Жора наконец оттаял и тоже усмехнулся, но более сдержанно:

– Вот вы, блин, даете. И что самое ужасное, все остальные, кто на записях, получается, тоже ему подыгрывали? Кошмар...

– Помнишь, я сказала, здесь бывает ужасно скучно? Вот мы и развлекаемся. Слушай, Жора, а когда ты догадался, что мы вас дурачим?

– Да практически с самого начала. У меня и так были сомнения до приезда сюда. Но когда я встретил вашего участкового Сергея Леонидовича, то окончательно понял, все это цирк! И никакой он, кстати, не мент. Да и вообще, теперь понимаю, играл он так себе, на «троечку». Одного не догоняю, у Эдика с деньгами всегда были напряги, как он с вами расплачивался-то?

– А мы потихоньку пили его кровь.

Хильма смешно зажала дымящуюся сигарету в губах, с силой затянулась, широко раскрывая

глаза, и двумя руками изобразила когти Имппи.

Жора искренне рассмеялся. Уже далеко не первая кружка пива, а также чувство облегчения, что все закончилось, точнее, вот-вот закончится, принесли в его душу хорошее настроение и лирический лад. Впервые за очень долгое время он вдруг отчетливо представил, как занимается сексом не с Вероникой, а с другой женщиной, с Хильмой. Он посмотрел на ее тонкую шею, широко раскрытые глаза, и с удивлением понял, что страстно хочет эту дурачащуюся провинциальную карелку. Странной такая мысль могла показаться лишь на первый взгляд. На самом же деле подсознательно Хильма давно привлекла к себе внимание, если, конечно, слово «давно» могло быть уместным по отношению к нескольким часам, проведенным в придорожном баре дальнбойщиков.

Жора неосторожно переместил взгляд пониже бледной шейки: под клетчатой рубашкой с расстегнутыми верхними пуговицами у Хильмы не было никакого лифа, и контуры ее сосков отчетливо проступили через ткань на упругих молодых грудях. Девушка заметила нескромный взгляд Жоры и сконфуженно перестала изображать Имппи, закашлялась, а затем как-то неуверенно проговорила, долго вбивая сигарету в пепельницу:

– Пожалуй, мне не сто́ит больше курить в затыг... Дурная становлюсь.

Жора попробовал отогнать постыдные мысли, решил сменить тему, и даже начал импровизировать: «э-э-э...», как вдруг совсем рядом возникла Вероника, взялась прямо из ниоткуда!

Кашель Хильмы тут же возобновился, и, чтобы сбить его, девушка принялась пить оставшееся пиво из кружки мелкими глотками, поглядывая на вздорную беременную подругу Жоры, явившуюся за ним. И как только зашла так незаметно?! А тот тем временем в миг побледнел и вообще стал похож на слона, испугавшегося мышь:

– Ника? Что ты здесь делаешь?

Она подошла так близко, что казалось, решила протаранить Жору своим животом, и начала говорить тоном бесстрастного регулировщика движения, но уже на второй фразе скатилась на шипение гюрзы:

– Хочу спросить тебя о том же. Этот бар... Эта девушка! ... Гоша! Может, объяснишь, что тут происходит?!

Жора поднялся, отодвинул стул и предложил Нике сесть, сказал, справляясь с волнением:

– Ты должна выслушать Хильму. Кое-что действительно происходит.

Вероника посмотрела на альбиноску с отвращением. К этому моменту Хильма перестала кашлять, опустила стакан и наконец ответила взглядом на взгляд, в котором больше не читалось ни

детскости, ни дружелюбия, а лишь вызов и осознание собственного превосходства. От этого Нике стало не по себе: немигающие глаза из-под белых бровей так и прожигали ее насквозь с нетерпимостью и даже какой-то звериной ненавистью.

Ника внутренне съежилась и зашептала Жоре уже не так грубо и яростно, как вначале:

– Послушай, Гош, я не хочу. Я не буду здесь сидеть и ни с кем разговаривать. Только не с ней... Прошу тебя, пойдем отсюда. Завтра ведь последний день... Ты знаешь, о чем я.

– Да, знаю. Ты права, завтра действительно последний день всего этого бреда, что устроил Эдик. Завтра мы уезжаем.

Ника покосилась на белявку и продолжила:

– Ты, что, ей рассказал?

– Разумеется.

– Как ты мог, Жора? Она в этом замешана! Это она во всем виновата! Эдик же твой брат! И ты сейчас его предаешь! Разве не понимаешь?

– Не говори мне о том, кто кого предает.

– Он в беде! Он может завтра умереть, а ты с ней... пиво пьешь?!

– Эд жив, и всё с ним в порядке.

– Это она тебе сказала? – На глазах Ники навернулись слезы, и в голосе появились нотки тихого отчаяния.

Жора бережно взял ее за плечо, постарался успокоить, но Ника высвободилась и посмотрела с упреком невинного дитя, идущего на эшафот за грехи родителей, а затем тихо произнесла:

– Неужели ты не понимаешь? Она все врет.

– Не она... – так же негромко ответил Жора, и тут же получил пощечину.

Звонкий удар ладонью не причинил вреда, только задел самолюбие и привлек внимание пары дальнобойщиков.

В разговор вмешалась Хильма, и, не поднимаясь со стула, подалась вперед, с негодованием окликнула Нику:

– Эй, подруга, угомонись уже.

Беременная скандалистка на этот раз не ответила, зато вновь заговорил Жора, сказал ледяным тоном «включившегося» полицейского:

– Как ты сюда добралась, Ника?

– На твоей машине, – она показала ключи.

– Хорошо. Значит, до отеля сможешь добраться сама. А теперь уходи.

– Но... Ты нужен мне! Пожалуйста, пожалуйста поехали отсюда!

– Нужен? Опять? Нет уж. Больше я на это не поведусь. С меня хватит.

Сказал, как отрезал, а затем сел обратно к столу и демонстративно весело спросил у Хильмы:

– Ну, что, повторим? Еще по пиву? Или чего покрепче?

– Уверен? – все еще напряжено поинтересовалась карелка.

– Да.

– Ну тогда следующий раунд за мной!

Хильма расслабилась и опять улыбнулась своей суперобаятельной улыбкой, а Жорик протестующе закачал головой, мол, сегодня платит только он.

Дальше слушать их щебетание Ника не смогла, она развернулась и пошла на выход из бара.

Ей хотелось кричать, потому что мир сходил с ума и катился в тартарары.

Когда «Форд Бронко» завелся и поехал обратно к «Туманной горе», Ника мстительно мечтала об одном, чтобы на дорогу опять выскочила та ужасная лайка, питомица несносной Хильмы. И тогда уже никто не станет жать на тормоз, и Ника обязательно собьет псину ко всем чертям, что б не пугала людей по ночному лесу. Но пес так и не появился.

В отель Ника заходила зареванная. В комнате выключила свет, залезла под одеяло прямо в одежде, разве что, обувь скинула, и принялась ором орать в подушку. А когда наистерилась вдоволь, то легла на спину, уставилась во мраке на бревенчатый потолок, и бездумно так вот пролежала очень долго, пока посреди ночи ее не потревожили приглушенные звуки, раздавшиеся из коридора. Было что-то около двух часов. Прошуршали чьи-то ноги, хлопнула дверь соседнего номера. А затем все стихло, но ненадолго. Потому что уже через пару минут за стеной раздалось смутное шевеление, а затем еле уловимый стон. Мужской голос переплелся с низким женским. Всего пара слов, Ника не разобрала, о чем говорили, зато узнала, кто это делал: Жора и Хильма. И, кажется, они собирались заняться сексом. А, может, уже начали? В подтверждение догадки уже через несколько мгновений раздался первый легчайший удар о стену: может, кровать, может, стул, а может и просто голая задница? А затем ударило еще один раз, и еще, и еще... все быстрее и громче.

Ника не выдержала и крикнула совокупляющимся в соседнем номере:

– Эй, кролики! Я знаю, это вы там! Хватит уже! Жора! ... Вы что, издеваетесь надо мной?! Гоша, твою мать!!! Прекрати! Иди ее драть куда-нибудь в другое место!

В ответ через стену раздался негромкий смешок Хильмы. При этом ритмичные удары ни на секунду не прекратились, но стали жестче.

Ника снова зарылась в подушку, чтобы не слышать всего этого, но уже очень скоро до ее слуха все-таки пробился бесстыдный прерывистый крик кончающей альбиноски. И было в нем столько

похоти, что не исторгнули бы из себя в день святого Патрика и три борделя разом.

Ника почувствовала, как от непонятной ревности горит лицо, и перевернулась на другой бок, подальше от ненавистной стены, с силой натянула одеяло поверх головы. Но через пару минут все возобновилось: и стуки, и стоны. На этот раз женский голос сразу взял высокие ноты и быстрый темп. Хильма кончала по меньшей мере еще дважды прежде, чем это случилось с Жорой. Похоже, в свое время строителей «Туманной горы» вовсе не интересовало такое понятие, как звукоизоляция, потому что в Советском Союзе, как известно, секса не было, а значит, и шуметь по ночам никто бы не стал.

А вот эти двое, что так ужасно бесили сейчас Нику, очень даже стали, и когда раздался сдержанный мужской стон кульминации, а за ним последовала тишина, Вероника громко съязвила, четко выговаривая каждое слово:

– Что, Жорочка, устал, мой мальчик? Наверное, меня представлял, да? Как это у нас могло с тобой получиться. Ну, правильно, лучше хоть что-то, чем вообще ничего! «Лузером» никто не хочет быть!

Ответа не последовало. Тогда Ника, немного подумав, чтобы еще такого ввернуть обидного, добавила:

– А как же любовь? Ты же меня еще вчера замуж звал?

Но и этот выпад остался без внимания. Ника еще полежала немного, минут пять, не больше, а затем стала прислушиваться: уснули или нет? Даже тихонько поднялась с кровати, подошла к стене на цыпочках и прижала ухо, но через несколько секунд отпрянула, как ошпаренная. Там явно не уснули, и пытка чужим коитусом продолжилась. Судя по всему, Хильма больше не стонала так громко, потому что ее рот теперь был занят другим, но недвусмысленные звуки, на порядок тише, все еще указывали на то, что секс в соседнем номере отнюдь не прекращался, а лишь перешел на другой уровень. Так дальше продолжаться не могло.

Вероника с решимостью комендантши женского общежития вышла из номера и с силой постучала в соседнюю дверь. Открыли на удивление быстро. На пороге появилась мокрая от пота Хильма. На ней была наспех накинутая большая мужская рубашка, по идее, предназначенная прикрывать прелести и создавать видимость приличия, но не застегнутая ни на одну из пуговиц, и потому не справляющаяся с данной функцией ни по одному из пунктов. Первое, что бросилось мимо воли в глаза – это поджарый, рельефный «кубиками» живот и взлохмаченные влажные волосы на лобке.

Хильма нарочито и с издевкой сдула на незваную гостью набежавшую на нос крупную каплю пота. Вероника тут же уловила в ее жарком, с перегаром, дыхании характерный запах члена, и

подняла налитые ненавистью глаза:

– Слушай внимательно, ведьма. Меня ты не обманешь, я о тебе все знаю. В отеле полно пустых комнат, но ты выбрала именно эту, чтобы достать меня.

– Ну, да, – ответила бесстыжая распутница и глумливо улыбнулась.

– Не отдашь Жору, пожалеешь.

Ника угрожающе сделала шаг вперед. Но Хильма беспечно облокотилась о косяк двери, сладко потянулась, пригладила волосы, и полы рубашки окончательно разошлись в разные стороны. А затем карелка сказала своим низким контральто вполне спокойно, но с таким дьявольским посылом, что в это мгновение вполне могла бы разбудить всех демонов ада:

– Теперь он мой. Ты свое счастье упустила, – и еще добавила, но уже беззвучно, одними губами, – дважды...

Руки Вероники дрогнули, и она вот-вот была готова вцепиться ногтями в ненавистное бледное лицо, но появился Жора, и этого не случилось. На его обнаженном атлетическом теле еще отчетливо читался основной и вполне внушительный признак недавнего возбуждения, но Георгий произнес вполне рассудительно, без тени смущения, будто разговаривал с потерпевшей на месте преступления или с неопытной мед. сестричкой, впервые увидевшей мегалопенис:

– Все кончено, Ника. Пожалуйста, уходи. Завтра мы возвращаемся в Питер. И больше я тебя не потревожу.

В голове зашумело, всё как-то качнулось, но сознание Ника все-таки не потеряла, только волю и желание сопротивляться. Она еще постояла немного, а затем, не помня себя, побрела на ватных ногах по коридору, но не в номер, а в сторону холла. За ее спиной приведенным в исполнение приговором захлопнулась тяжелая дверь.

Глава восьмая

Воскресное сентябрьское утро давно перешло в день, когда Жора только приступил к завтраку. Он жадно поглощал двойную яичницу с жареным беконом и овощами, и запивал томатным соком из граненого стакана. Жора сидел в холле за дубовым столом, где никого не было: ни Вероники, ни Ионы, ни других обитателей здешней глуши. Завтрак ему приготовила заботливая Хильма, подала на стол, а затем ушла, сославшись на то, что кто-то же должен убирать комнату, залитую еще не остывшей спермой. Похоже, у этой девушки напрочь отсутствовали комплексы. Она запросто говорила о таких вещах, о которых многие постеснялись бы даже думать. И Жоре это нравилось. Приятно было вспоминать недавнее. Они почти не спали, предаваясь плотским утехам до самого рассвета, потом на какое-то время задремали, но ненадолго, а проснувшись, повторили то, что

делали ночью. Один раз глубоко зарывшись в одеяла, в теплоте и уюте на грани сна; и еще раз – в душевой комнате под напором воды, очень долго и страстно, оттягивая финал как можно дольше, для чего то и дело останавливались, осаждая пыл, чтобы в конце поставить жирную пульсирующую точку в унисон содрогающихся мелкой дрожью молодых горячих тел.

Вчерашний алкоголь полностью выветрился из сознания, и сейчас Жора думал о сложившейся ситуации на трезвую голову. Мысли перетекали одна в одну, создавали плотный поток свежей умственной энергии. Их можно было разделить на три основные категории: пропавший брат, его беременная подруга и внучка хозяина «Туманной горы». Под бекон и яичницу думалось легко и приятно.

Эдик, заигравшийся гаденыш – именно так про себя его называл Жора, когда представлял их будущую встречу, которая по словам Хильмы должна была наконец состояться этим вечером. Всё, что произошло с младшим братом за последнее время, Жора представлял себе более или менее ясно. По его мнению, дело было так. Семь месяцев назад Эд узнал, что его подруга залетела, при этом сделала такое специально и втихомолку, что в некотором роде вполне могло сойти за предательство и попытку манипуляции. Импульсивный Эдик, толком не разобравшийся в своих чувствах, решил то ли проучить Нику, то ли действительно побыть немного наедине с собой, отправился подальше от дома. Подвернулось первое же наугад выбранное место. Им стала «Туманная гора». Потом, очевидно наслушавшись рассказов о карельских шаманах и всяких там давно сгинувших в прошлое обрядах, решил немного подурачиться. Подговорил местных жителей, жадных до перформанса, каким-то чудом убедил их, что будет интересно и весело, а затем наснимал на телефон и любительскую камеру всяко-разной постановки с ненастоящей кровью, псевдо-колдунами и имитацией туземной оргии. Получилось неплохо: местами и вправду жутко, но в конечном счете слишком уж за пределами для принятия всей этой чуши о перерожденных Шошони. А затем (вот тут не совсем понятно) решил остаться в Карелии, и никому не сказал, где он и что. А главное, свои жуткие видосики выслал только спустя полгода! И еще для пущей наглядности напустил ужаса с отрезанным пальцем в конверте и кровью животного. Тоже, кстати, странный факт: мог ведь так не заморачиваться, раз нашел где-то пластиковый муляж, то и киношную кровь тоже мог достать там же. Так нет, подлил настоящую, только не совсем человеческую. В общем, вопросы по деталям еще оставались, но в целом картина вырисовывалась.

Сложнее дела обстояли с Вероникой. Жора любил ее до вчерашней ночи долго и безответно. Но, как однажды сказал один уважаемый теле-мыслитель: «любил всю жизнь, а разлюбил в четверг». Так ли это случилось на самом деле? Разобраться оказалось не легко, но впервые возможно. Раньше Жора страдал от того, что не может бороться за Нику, когда Эдик еще не

пропал, и потом не мог, потому что мешало незримое присутствие брата. Это было бы аморально и недопустимо, пока оставался хотя бы единственный шанс, что Эд еще жив. Но когда умерла последняя надежда, и Жора все-таки решился на действия, сделал беременной Нике предложение, и она вроде как согласилась, пришли злосчастные конверты. Судьба жестоко издевалась над Жорой. Долгая дорога на север среди сфагновых болот и непроходимых лесов дала возможность хорошенько поразмыслить обо всем.

Ну и третье, о чем думалось за завтраком – это Хильма. Ее неожиданное появление в жизни Жоры странным образом изменило все, что творилось в его душе, хоть к ней, душе, и не имело непосредственного отношения, а пока только к телу. И тем не менее, эта незаурядная девушка будто занозу из сердца вынула. Болезненные мечты о недоступной женщине, которая никогда бы его не полюбила, опустились во мрак прошлого утонувшим осенним листом в темной воде безымянной реки. Жора и раньше пытался «сбить прицел» случайными связями с красивыми и не очень девушками, но на утро всякий раз возвращался в мыслях к Веронике, потому что ни одна из красоток мира не могла его заинтересовать дольше, чем на один вечер. С Хильмой же получилось по-другому. Нет, Нику Жора не забыл, и она по-прежнему оставалась для него почти родным человеком, но уже в другом качестве, как девушка брата, и все, никаких вариантов сверх. А вот с Хильмой стало интересно. С ней хотелось проводить все время: заниматься сексом, разговаривать, смеяться, бродить по окрестным лесам и лугам, внимательно слушать ее или даже просто молчать рядом. Но больше всего хотелось именно трахаться. Такое желание почему-то возвращало Жору в воспоминания подростковой юности, когда грезы о сиськах посещали чуть ли не каждые пятнадцать минут. «Сиськи» – негромко сказал себе Жора и усмехнулся нелепости этого слова. Когда люди становятся старше, думал он, они начинают говорить «грудь», грубая «жопа» незаметно становится «попой», «попкой» или «анусом» (в зависимости от контекста), зато официальное «влагалище» переходит в уменьшительно-ласкательную «киску», «пипку» или даже «пусси». Этимология и взросление терминов в купе с сексуальной озабоченностью переходного возраста казались Жоре вопросами совершенно не существенными, но веселыми, от чего поднималось настроение. Поздно начавшийся день обещал хорошее продолжение.

За этими мыслями его и застала Хильма. Она закончила уборку и вновь вернулась в холл, села рядом и приветливо улыбнулась:

– Хочешь добавки?

Двусмысленность ее вопроса и лукавый тон сразу же втянули Жору в словесную игру. Он изобразил на своем лице непонимание:

– Ты о чем? О еде или еще о чем-то?

– Я о яйцах.

От такого ответа Жора искренне рассмеялся, потому что опять было не понятно. Хильма специально так сказала, чтобы посмотреть реакцию, которой в итоге и осталась довольна. Она улыбнулась в ответ и уточнила:

– Хочешь, еще тебе сделаю глазунью с беконом и сыром? Вкусно же?

– Да, очень вкусно, спасибо!

– Так что, сделать? Я быстро.

Она уже собралась вставать, но Жора остановил:

– Не надо. Я наелся. Посиди со мной.

Хильма придвинулась ближе.

– Хочу о тебе заботиться, – произнесла она и как-то неуклюже пожала плечами.

Жоре стало приятно. Он нежно погладил девушку по ноге:

– Слушай, я благодарен судьбе, что встретил тебя. Но, знаешь, эти обстоятельства...

– Что-то не так? – испуганно перебила Хильма, и Жора поспешил успокоить:

– Нет, нет, все хорошо! Я о другом. Эдик... мой брат...

– А, я поняла! Все норм. Он сейчас в поселке. Нас ждет. Дед еще вчера уехал, и я, кстати, тоже скоро туда отправлюсь. Привезем тебе нашего режиссера в целостности и сохранности. Эд, конечно, расстроиться, что не получилось последнего акта, но ничего. Зато вы наконец встретитесь!

– погоди, погоди. Вчера сюда нас подбросили на траке, а сегодня ехать уже не на чем. Я не видел тут ни одной машины, кроме своей. На чем ты собираешься в поселок?

– Ну ты даешь. На велосипеде конечно! На чем же еще? У деда есть «Жигуль-копейка», но тачка в ремонте еще месяц стоять будет. Еще у нас мотоцикл с коляской. Только его тоже чинить надо. В общем, пока катаемся на самом экологичном транспорте.

– Понял. Слушай, так... а может, давай на моем прокатимся?

– Не откажусь, – Хильма бесцеремонно и крепко сжала член Жоры через брюки. Опять получилось каламбурно. Но Жора не продолжил в этом ключе, а сказал вполне серьезно:

– Я о «Форде».

Хильма тут же убрала руку, но не обиделась.

– На «Форде», так на «Форде».

– И еще. Ника поедет с нами.

А вот тут альбиноска помрачнела:

– Твоя беременная сучка меня ненавидит.

– Не надо так. Ника вообще мало кого любит. И все же она поедет с нами.

– Ладно, – неожиданно быстро согласилась Хильма, и ее мрачный вид, как мимолетное облачко, сдуло ветром продолжившегося флирта.

Хильма задумчиво-игриво приоткрыла ротик и, прильнув к Жоре, шепнула в самое его ухо:

– Тогда, может, давай перед выездом заглянем в твою комнату? Ты ведь еще не все «двери» открыл...

– А что, так можно было? – Жора внимательно посмотрел в светлые глаза. И девушка ответила, но уже не шепотом, а своим обычным приглушенным голосом:

– А ты как следует попроси, и узнаешь.

– Да, пожалуй, часик у нас есть в запасе.

– Это ты так уже просишь?

– Прямо с колен не встаю.

Жора захотел поцеловать Хильму, но она неожиданно отстранилась, доставая из заднего кармана что-то небольшое:

– Вот, держи! Совсем забыла! Не теряй больше.

На стол возле пустой тарелки и граненого стакана со следами томатного сока легла деревянная фигурка медведя. Жора ухмыльнулся:

– А, Кимама. Ладно. Сохраню на память, – и взял тотем со стола.

Часик, который был у них в запасе, превратился еще в три. И уже окончательно обессилившие и опустошенные от любви молодые люди все-таки решили отправляться в поселок за Эдиком.

Хильма сидела в автомобиле и ждала, пока Жора заберет Нику, но тот вернулся один. На лице у него читалась тревога. Жора открыл водительскую дверцу, но садиться не стал, а быстро произнес:

– Ники в номере нет.

– Странно. И где она?

– Ты разве не заметила, за стеной все время тихо было? Ты ее вообще сегодня видела?

– Вообще-то, нет. А ты?

– Тоже нет. Может, она в другую комнату свалила?

– Исключено. Я двери в незаселенных номерах всегда на ключ запираю.

– Где же она тогда?

Жора вытер ладонью мгновенно вспотевший лоб и продолжил, поглядывая на сосны вокруг:

– Может, пошла в лес?

– Думаю, мы ее просто затрахали. Вот и сбежала. Она ж психическая.

– Так. Что нам делать?

Вопрос был риторический. Но с ним Жора почувствовал укор совести. Исчезновение Ники – его рук дело. Нечего было мстить. Хотя она этого и заслуживала, но вот только где теперь ее искать?!

– Поехали, – предложила Хильма, – через пару часов вернемся. Привезем сюда Эдика. И если к тому времени она не появится, ну, пойдем тогда на поиски. Я эти места хорошо знаю. Быстро найдем.

– Через пару часов начнет темнеть, – Жора скептически покачал головой, – я тоже тут ходил. Заблудиться легче простого.

– Поехали, правда.

– Нет, – отрезал он, – не могу. Я должен сначала найти Веронику.

– Хорошо. Но мне-то все равно нужно в поселок. И до ночи на велике я уже точно не успею.

– Водить умеешь?

– Да, – непонимающе кивнула Хильма.

Жора достал из нагрудного кармана ключи с «фордовским» брелком и положил их на сидение.

– Тогда езжай сама. Только возвращайся поскорее. Забирай моего брата и вези сюда.

– А ты?

– Пойду Нику искать.

Хильма хотела возразить, но Жора отрицательно покачал головой и, не дожидаясь ответа, отправился на поиски в лес. Ему в спину еще долго смотрели светло-голубые глаза: сперва грустно, потом тяжело, а перед тем, как Жора вообще исчез из виду – как-то даже со злостью.

Глава девятая

С каждым пройденным километром Жора все чаще и чаще поднимал голову к темнеющему небу. Солнце близилось к закату, и лучи уже не пробивались сквозь верхушки сосен. Зато появился кровавый багрянец на затягивающих небосвод сумеречных облаках. Не то, чтобы Жоре было страшно, скорее он переживал за Веронику, и чем дальше отдалялся от Хильмы, тем сильнее пробуждалось чувство вины и тревоги. Будто металлический солдатик между разных полюсов магнита, Жора брел по безлюдному лесу от одной девушки к другой, не зная дороги, но лишь по наитию.

Когда появились первые признаки тумана, Жора стал время от времени кричать в сгущающуюся темень протяжное «Ни-и-к-а-а!» или более длинное «Э-эй! Отзовись! Ты где?!»

От абсолютной тишины и зарождающейся паники Жору отделял лишь ненадежный шепот хвои в кронах деревьев. Других звуков не осталось. Недобрый лес готовился к таинству ночи. Зловещее,

потустороннее состояние вновь накатило волной, как тогда, в прошлый раз, при встрече с отшельником Ией и грудой лосинных внутренностей. И хоть теперь было известно, что все случившееся ранее – лишь постановка, все равно на душе засквозило безотчетным первобытным ужасом.

Вероника нашлась внезапно. Жора увидел ее стоящую на невысоком каменном уступе, и глядящую куда-то вверх. На оклик она не отозвалась. Ника почему-то сейчас показалась Жоре совершенно незнакомой женщиной: злобной, сгорбленной старухой, с большим животом, и зачем-то напялившей на себя чужую одежду. Когда он подошел поближе и неуверенно произнес ее имя, Ника все же повернулась. Блеснули широко раскрытые в красную прожилку глаза. Жора отшатнулся, столько было безумия и страха в том взгляде. Но в следующее мгновение все-таки взял себя в руки. Перед ним стояла все та же Вероника, но до смерти испуганная и уставшая: губы пересохли и потрескались, плечи поникли, руки обмякли двумя безжизненными веревками.

– Что с тобой случилось?

Жора помог ей присесть на мшистый валун. Ноги беременной заметно дрожали. Она ответила отрешенно и не сразу:

– Я видела его...

– Кого?

Искренне не понял Жора.

– Я видела Эдика.

– Это вряд ли. Он сейчас в поселке, Ника. То есть... Может даже уже в отеле. Ждет нас с тобой.

Пошли обратно. Поднимайся, обопрись на меня.

– Нет, – упрямо сказала она, и медленно указала пальцем в сторону деревьев, – там.

– Что? В каком смысле? Да что с тобой такое?!

– Он позвал. И я шла за ним, пока не рассвело...

– То есть? Ты что, с прошлой ночи тут бродишь?

– Да... наверное...

Жора еще раз осмотрел Нику. Похоже, она и вправду очень долго находилась на ногах, ничего не ела и не пила, пребывая в состоянии стресса.

И пока Жора тщетно пытался понять, что случилось, она продолжила:

– Я видела Эдика... на вершине. Он стоял далеко от меня... и все же это был он. Я узнала. А потом пошла. Нет... сперва побежала... Но лес не пустил. И Эдик вскоре исчез. Прямо на той самой горе. Вон там...

– Что значит «лес не пустил»? В каком смысле? Ты-ы...

Жора хотел продолжить расспросы, но вдруг испугался, а вдруг она по-настоящему тронулась рассудком и пошла за галлюцинацией? Поэтому оборвал себя на полуслове. Но Ника, наоборот, стала потихоньку приходить в себя: взгляд приобрел осмысленность, а слова – жизнь:

– Гоша, ты должен поверить. Я уже не злюсь на тебя. Правда. Просто... Знаешь, это место... Я несколько раз поднималась по склону вверх, и каждый раз оказывалась внизу перед отелем, будто туда и обратно все время менялись местами. Когда я хотела зайти поглубже, лес возвращал. А потом он запутал. Я не кретинка, и знаю, что говорю. Не смотри ты на меня так ...

– Ну, что ты такое говоришь? Ты просто заблудилась, и все. Ты кого-то увидела, да? Верю, Ника! Кого-то, кто напомнил тебе Эдика, тоже понимаю. Но ты до крайности взвинчена, вот и надумала...

– Это был он!!!

Неожиданно громко закричала Вероника, и эхо ее срывающегося голоса заметалось среди елей, пока не погибло где-то на дальних границах бурелома.

– Хорошо, он, – сдался Жора, – допускаю. Но все равно, тебе лучше успокоиться.

– Нет, я не успокоюсь! Ты должен пойти со мной! Прошу тебя... Умоляю! Ради всего святого!

– Ладно. Говоришь, на той вершине холма? Хорошо, мы подымимся туда. Вместе. Ты и я. И если там никого не окажется, тогда вернемся в отель. Договорились?

Ника, еще не до конца поверив, что Жора остается с ней, кивнула и встала на ноги.

Они начали подъем, но не сделали и десяти шагов, когда невдалеке раздался холодающий кровь волчий вой. О том, что это искусная имитация – не шло и речи, ни один человек на земле не смог бы так протяжно выть, с такой вселенской тоской и по-звериному дикой волей, ведомой хищным естеством ночного убийцы.

Жора мгновенно выхватил из кобуры «Вальтер», а Ника достала из кармана брюк перочинный ножик и неуклюже раскрыла лезвие. Оба посмотрели друг на друга с легким удивлением, но ничего не сказали, потому что вой тут же повторился, но уже прозвучал с другой стороны холма и не так близко. Что в таких случаях делают заправские хозяева тайги или старые охотники, которых окружила голодная стая? Может, они стреляют в вожака, и тогда оставшиеся в живых волки не решаются нападать? Пожалуй. А еще можно залезть на дерево и надеяться, что хищники рано или поздно оставят в покое. Но это лишь гипотезы, на самом же деле совершенно точно одно – нельзя паниковать. В остальном: животных нигде не видно, и стрелять пока не в кого, да и на дерево залазить с беременной женщиной – задача вряд ли решаемая. Поэтому Жора в первую очередь крепко взял Нику за руку и сказал ей как можно увереннее:

– Не бойся. Они не нападут. Дыши глубоко и ровно. Сейчас мы доберемся до самого верха, все как

ты и хотела. Видишь, там пара-тройка сосен, и больше ничего не растет, как здесь, у подножия. А значит, тварям уже негде будет прятаться. И они обязательно уйдут.

Вероника попробовала взять себя в руки, глубоко вдохнула воздух расширившимися ноздрями, задержала в груди и с силой выдохнула через сжатые губы.

– Вот так, ты молодец, – подбодрил Жора.

И когда вой раздался в третий раз, они уже были морально готовы, и не дрогнули, а медленно пошли вперед, поднимаясь все выше по склону.

В сгустившемся тумане, застрявшем в вязких сплетениях бескрайнего малинника, замелькали смутные тени. Мрак стремительно поглощал границы видимого мира, и нужно было торопиться. Но подыматься вверх оказалось не так легко: пропитавшийся влагой мох то и дело предательски скользил под ногами, камни осыпались, а колючки кустарников отчаянно тянули назад.

Двое напуганных людей карабкались в полном молчании минут десять, как вдруг Ника завопила и ткнула пальцем впереди себя:

– Смотри!!!

Жора тут же вскинулся, и вовремя: кто-то стоял на вершине, но в следующий миг спрятался за толстым стволом кедровой сосны, как будто хотел, чтобы его заметили, но в то же время не желал светиться слишком долго.

– Я же говорила, он на вершине!

Восторженно воскликнула Ника. Жора лишь выругался:

– Черт! Там и вправду кто-то есть!

Они, не сговариваясь, прибавили шагу, почти побежали по крутому склону вверх, на сколько это казалось возможным, и не заметили, как случилась странность, не пустившая дальше: поднимались, а вновь очутились у самого подножия. Жора остановился, переводя дух, а затем прошептал самому себе: «Лес не пустил...» И осознание сверхъестественного, происходящего наяву, обдало замогильным холодом, проявляя гусиную кожу и заставляя волоски на руках стать дыбом.

Случившееся поняла и Ника, она истерично захохотала. Подмена верха низом уже случалась с ней на этой горе не в первый раз.

– Теперь ты мне веришь?! – отчаянно завопила она.

Но Жора не успел ответить. Откуда-то в тумане, из-за кустов раздалось утробное рычание, похожее на медвежье, но тут же стихло.

Жора машинальным движением задвинул за себя Нику и выставил вперед руку с пистолетом.

Так они простояли без единого звука и движения по меньшей мере несколько минут прежде,

чем решились на дальнейшие действия. Рычание в кустах не повторилось, и волчий вой на соседних холмах тоже стих. Возможно, звери ушли, а возможно и наоборот: обнаружили добычу и теперь пристально следили за ней, не выдавая себя, готовились к броску.

– Идем, – прошептал Жора, но Ника обреченно качнула головой:

– Ты же видишь, у нас не получится!

– Идем.

Жора не стал объяснять, почему так уверен, просто запустил руку в карман, где лежала небольшая статуэтка, вырезанная из дерева, и сжал тотем, тихо проговорив колдовское имя безделушки, которую еще день тому назад так легкомысленно выбросил прочь, и которую вскоре получил обратно. Кимама – так назывался талисман. Полу-спятивший отшельник-аскет Ия дал его Жоре, и сказал, что тотем поможет найти дорогу. Возможно, деревянный Кимама обладал и другими свойствами, к примеру, оставлять в лесу верх верхом, а низ низом? Эти размышления казались бредом, и все же попробовать стоило. Но говорить Георгий стал о другом:

– Как-то смотрел передачу, уже не помню, как называлась... так вот там рассказывали о геомагнитных аномалиях...

Они вновь стали постепенно подниматься по склону.

– По-моему, впервые такую штуку обнаружили в Грузии... В общем, там на небольшом участке в горах дорога вела вниз, а усилие, чтобы ее преодолеть, приходилось тратить, как если бы нужно было идти вверх. Понимаешь?

Вероника молчала, сосредоточившись на нелегком подъеме. Жора продолжал:

– Так вот, все дело в изменении магнитного поля Земли. В каких-то там завихрениях. Точнее не скажу, не помню. Главное другое... Необходимо все время ориентироваться не на ощущение преодоления подъема или спуска, а на визуальные привязки к местности.

– В каком смысле?

– Не выпускать из вида вершину, даже если будет казаться, что мы идем вниз.

Ника остановилась и посмотрела туда, куда они направлялись, а затем вновь пошла:

– Гош, ты хоть сам веришь, что говоришь? Или просто меня успокаиваешь?

Жора попытался улыбнуться:

– И то, и другое.

Но внутри у него царил полнейший хаос и паника. Происходящее вокруг давно вышло из-под контроля и грозило бедой так явственно, что Жора мог поспорить с кем угодно и на что угодно, что добром все это не кончится.

Когда до вершины холма оставались считанные метры, раздался негромкий голос:

– Давайте быстрее, ну же!

Жора и Ника задрали головы и одновременно увидели Эдика. Вне всяких сомнений, это был действительно он: только с бородой и отросшими неряшливыми патлами; похудевший, осунувшийся, весь в лохмотьях.

Жора подтолкнул Нику вверх, и она перебралась через большой камень, по упавшей сосне, а затем бросилась в объятия любимого. Они обнялись и оба расплакались, как дети. Через мгновение рядом уже стоял Жора.

Эд немного отстранил от себя Нику и посмотрел на брата, так и не решившегося на объятия:

– Здравствуй, Гош. Ты мне не рад?

Эд вытер слезы, Жора взял его за плечо:

– Очень рад. Ты жив, брат, и это главное! Но тебе многое придётся объяснить.

– Так и будет. Но сейчас на это просто нет времени, вот, держи.

Эдик снял с плеча какую-то самодельную торбу, грубо сшитую из мешковины, и, передав Жоре, продолжил:

– Нужно торопиться. Идите за мной.

Они и пошли, почти побежали, но скоро остановились на самой вершине горы, лысой, как плешь великана: ни травинки, ни кустика, только камни в лишайнике, три кряжистые сосны по краю и все.

Туман остался там, внизу, у самой кромки. На небе с востока вместе с ночной мглой проступили тяжелые низкие тучи. Ударил порывистый ветер, и тут же смолк. Стало темно и тихо.

Ника все время порывалась что-то сказать, бросая взгляды то на замотанную в грязные бинты руку Эда, то на сосредоточенное лицо Жоры, но у нее получалось лишь какое-то негромкое и не совсем внятное мычание. Братья не замечали ее.

– Все, мы на месте. Открывай!

Скомандовал Эдик, и Жора распахнул торбу, увидев внутри какой-то песок или что-то вроде.

– Теперь делай круг! Ну же, давай! Черти барьер!

Эд нетерпеливо затряс головой, но брат застыл на месте, отказываясь делать то, что его просили. Более того, бросил куль под ноги Эду и сказал:

– Да что за бред ты несешь? Сам черти.

– Ты что, не видишь?! Я не могу!

Эдик поднял вверх больную руку, в ожидании сочувствия, но Жора лишь зло рассмеялся:

– Что, не получается без пальца в песочке играть? А ты проверь, размотай свои тряпки и посмотри, вдруг пальчик обратно вырос? – и сделал знакомый с детства фокус с отрыванием

большого пальца одной руки от ладони другой. Получилось не смешно, зато цинично.

– Гоша! – взмолилась Ника, – Господи, да делай же ты, что он говорит! Не время сейчас вам спорить!

– И не подумаю! – огрызнулся Жора.

В этот момент у подножья горы раздался жуткий вой, но уже не совсем волчий, а другой, женский; не протяжно-грустный, как раньше, но жаждущий немедленного ответа, призывавший древние стихии к первородным силам черной некромантии.

– Э-эй!! – не выдержал Жора и закричал в крадущийся снизу туман срывающимся от ярости голосом, – Даже не думайте к нам приближаться! Я офицер полиции, а вы трупы, если сунетесь!! – и громко передернул затвор пистолета.

Раздалось убедительное железное клацанье. Но Эд с горечью сказал брату:

– Они не уйдут, Гош.

– Тогда поймают пулю!

Но и на это Эдик отреагировал скептически:

– Твое оружие здесь не поможет.

Жора посмотрел в глаза Эду и подошел к нему вплотную, готовый в любую секунду врезать, а затем процедил сквозь зубы:

– Лучше бы тебе не провоцировать меня, братец. Гребаный ты режиссеришко...

Эд не отступил, и тоже приготовился к драке. И тогда между ними встала Вероника, наконец совладавшая со своими эмоциями, рассудительно произнесла:

– Что вы уперлись, как бараны? Кто бы там ни был, кто бы не прятался там, в лесу, они не шутят! Но даже если и так, нам все равно нужно быть вместе.

Увы, доводы не подействовали на братьев, они по-прежнему продолжали стоять. И поэтому Ника решила все сделать сама. Она, кряхтя и охая, подняла брошенную сумку, начала сыпать из нее похожий на песок порошок вокруг, создавая кольцо с радиусом в несколько метров.

Жора посмотрел на нее и прикрикнул с издевательской ухмылкой:

– Ты так и не поняла, Ника! Ты так ничего и не поняла!

Она проигнорировала, за нее ответил Эдик:

– А, по-моему, это ты ничего не понял. Что, ты думаешь, здесь и сейчас происходит?

От этого вопроса Жору будто с петель сорвало, и лавина эмоций наконец обрушилась безудержным потоком:

– О-о! Я скажу тебе, что! Театральная постановка сумасшедшего. Реалити-шоу, твою мать! Вот, что! Камер только не вижу?! Ну, где они?! Признайся наконец! Давай, господин исполнительный

продюсер и сценарист всего этого бреда, расскажи нам правду! Ну?!

Эд в испуге отшатнулся от брата, но смотрел уже не на него, а на что-то, что появилось у Жоры за спиной. А точнее, на кого-то... Гоша поймал этот взгляд и медленно повернулся. За только что начерченной толстой линией из песка, по другую сторону, стоял грузный мужчина в брезентовом плаще и маске медведя, из-под которой раздавалось утробное дыхание хищника – еще не звериный рык, но уже и не человеческое сопение.

Жора дернулся и взметнул оружие на уровень глаз:

– Сука! Стоять! А ну, замер на месте!!

Прозвучало нелепо: ряженный и так стоял, не двигался, но от крика начал шевелиться. Полы плаща разошлись в стороны, обнаруживая старую знакомую милицейскую форму; пухлая рука потянула из кобуры пистолет «Макарова».

– А-а, Сергей Леонидович, – идентифицировал Жора, и удовлетворенно продолжил, – липовый участковый. Ну да, кто же еще? Ты же понимаешь, это статья...

Но тот, кого назвали Сергеем Леонидовичем, будто не услышал обличительной речи. Он посмотрел на свой пистолет, на ствол Жоры, а затем уверенно передернул затвор и стал медленно поднимать «Макаров». Гоша тут же пресёк:

– Даже не думай!

И, не доводя ситуацию до критической, направил оружие на предплечье врага и спустил курок. Раздался пустой щелчок без выстрела. Раньше «Вальтер» еще никогда не давал осечек, поэтому чтобы осознать произошедшее, понадобилось несколько секунд. Жору моментально прошиб холодный пот, а затем он еще раз нажал на спуск. И снова безрезультатно. И еще раз. Ничего. И тогда свое ответное слово сказал «Макаров». Громыкнуло так, что заложило уши. Блеснуло в темноте, ударило в грудь под правую ключицу. Жора еще успел возмутиться: «Как так?! И почему это камни под ногами стали на дыбы?!» А затем земля больно ударила в висок, и сознание стремительно стало угасать. Последняя мысль, которая посетила Жору перед тем, как бытие окончательно затянуло черным саваном, была такая: «Маска медведя – потому что Медведев...»

Глава десятая

Пламя, зажжённое от бензиновой зажигалки «Зиппо», разошлось по неровной песочной дорожке и замкнуло круг. «Звери» остались снаружи, люди укрылись внутри. Но такой статус кво сложно было бы назвать ничьей.

Их никогда не было много. Хоть ежегодно появлялись новые, многие из них погибали. Со временем их кожа не старела, зрение не тупилось, рефлексы не ослабевали, и с каждой прожитой

весной голод становился сильнее, постепенно вытесняя остальные желания. Так однажды настала ночь, в которой даже инстинкт размножения отступил на второй план. С тех самых пор мир Шошони изменился. Кимама не раз убеждал племя, что ему отчаянно нужен наследник, но старика с его камланиями мало кто слушал. Неутолимый голод гнал стаю во тьме к краю бездны, заставлял рисковать всем ради того, чтобы хотя бы еще раз на миг ощутить в холодеющем сердце живой пульс глотка новой крови.

Как-то раз один из заблудших среди сфагнума и пушицы этнографов в отчаянной попытке выторговать себе жизнь на знание, назвал их вампирами. Безумца съели заживо на лесной опушке в полдень следующего дня под хохот и ритуальные танцы. И все же это было исключением, что-то вроде забавы, призванной показать затравленному оленёнку хорошее расположение духа волков, проснувшихся слишком рано, до заката, и от того мающихся в праздности. Обычно Шошони охотились ночью. Они не были вампирами в готическом понимании этого слова. И оборотнями тоже себя не считали, хотя как раз такое определение подошло бы ближе остальных.

Легенды о погибших от руки князя Ярослава язычниках лишь частично отображали правду лесного народца, потому что суть первородного Зверя корнями уходила гораздо глубже. Поход упомянутого Рюриковича на Емь, крещение Карелии, завоевания диких земель огнем и сталью – все это уже было ранее, повторялось бессчётное количество раз. Одни приходили, сражались и погибали, другие возрождались. Сейчас никто не вспомнит те сгинувшие племена, что обитали среди чахлах сосен, бескрайних топей, огромных валунов и старых мхов за многие сотни тысяч лет до того, как были вообще найдены упоминания о первой человеческой цивилизации где-то не здесь, где-то на берегах далеких рек Тигра и Ефрата. И все это время рядом, по ту сторону туманных болот, существовали те, о ком умалчивала современная история – извечные спутники человека, не знающие старости; ночные создания, не упокоенные смертью; живые тени, поднятые силами потусторонней реальности, и вышедшие из расселин параллельного Сумеречного мира; около-божьи полу-бездушные твари, приобретшие форму и физиологию органических тел.

Раньше первобытные люди многое знали о них, и гораздо больше, чем потомки в современном технократическом мире. Предостерегающая раскрытая ладонь – универсальный знак, обозначавший ночных хищников, переходил от отца к сыну в украдкой рассказанных у костра страшилках, таких же правдивых, как повествования о встречах с медведями-великанами, рогатыми лешими или грудастыми птицами Сирина, что с лицами печальных дев. Ладони на каменных стенах пещер, первые петроглифы, наскальные рисунки, безмолвно кричащие нам из глубины веков: «Стой! Не иди в ночь! Там смерть! Там Шошони...»

Да, наши пращуры знали о них, и боялись. Но хищники всегда оставались в тени, и в своей

самодостаточности никогда не искали выхода к цивилизации, скорее наоборот – бежали ее. От того со временем из правящей касты превратились в изгоев, вынужденных скрываться. И, чтобы не быть раскрытыми, забились в самые дальние уголки безжизненных топей. Так люди постепенно стали забывать о страхах ночи, притаившихся в недобрых лесах, за торфяными лугами и паутиной безымянных озер. Так Шошони стали неуловимой, ускользающей тенью на периферии зрения человечества, и, вырождаясь, подошли к финалу своего бытия.

Когда с юга на огромных кораблях пришел новый правитель тогдашнего мира Ярослав Всеволодович со своими поморами, в Еми больше не осталось тех, кто правил ночью, лишь горстка душ. Ни чудь, ни весь, ни вепсы, никто не стал противостоять пришлым, и потому племя Шошони перебились, в живых остался лишь Кимама. За ним долго гнались лучшие из следопытов князя, травили псами, выслеживали птицей, но куда им было до того, кто шел между миров. Кимама сгинул – так решили гончие, и отчасти оказались правы. Прошло целое поколение прежде, чем старый шаман вновь дал о себе знать. Одного за одним он поднял соплеменников обрядами чёрной магии, доньше не сотворенными. Кимама вернул жизнь и форму детям ночи, раздавая им личины зверей. И лишь их вождь, их лидер, могучий воин Сиокс, не упокоился малым. Он возжаждал вернуться в мир человеком, но пришел Зверем, сеющим смерть.

Безумный аскет-отшельник Ия так и рассказал эту историю Жоре, ничуть не совравши, не упомянул лишь одного: Зверь пал. Сиокс погиб еще в семнадцатом столетии от руки безымянного охотника в пору расцвета Петровской Инквизиции. С тем надежды на полное возрождение племени канули в безнадежный мрак Леты. И все же на исходе дней племя получило свой шанс. На сфагновых пустошах среди кочек и мха, словно из неоткуда, появилась молодая беловолосая девушка, беглая каторжанка, клейменная ведьмой. О ней и о ее светлоглазом псе быстро поползли слухи. По разбросанным в карельской глуши селам стали перешептываться о юной владычице леса, поднявшейся со дна туманных болот. Деву не раз видели бредущей по заснеженному полю, когда отступала вьюга, за ней в весенние топи уходили самые отчаянные юноши и пропадали, навеки сгинув в трясине. На судостроительных верфях артельщики часто слышали, как она грустно поет в ночи, оплакивая павшие под топором лесорубов тысячелетние кедры. И каждый знал, так уж само собой повелось, ледяная дева беспрестанно ищет и днем и ночью свой некогда сгинувший народ. Правнучка Кимама в пятьсот-первом колене вернулась из дальних странствий, чтобы поднять из пепла некогда сгинувшее племя.

Знакомая Эдика и Жоры, назвавшаяся Хильмой, когда-то имела и другие имена, забытые до момента происходящих событий. В древности разные народы, которым она представала, и которые почитали ее за богиню, взывали к ней по-разному: Исида, Геката, Фрейя, Кали, Иштар... И всякий

раз произнесенное на свой лад любое из этих имен во все времена значило примерно одно и то же: опасность, перерождение, смерть и любовь. У индийской Кали на шее висела гирлянда из черепов, ее последователи адепты таги создали секту убийц-душителей, на счету которых осталось больше миллиона трупов, усеявших всё в округе Гат до самого Ладакха. А у древнегреческой Гекаты, богини лунного света, священным животным упоминался страшный пёс, принимающий сакральные подношения из людей на жертвенниках далеких пещер Парнаса. Еще сказать о нашей Хильме можно было и такое: «куртизанка богов» злоеца Иштар вспарывавшая животы любовникам острым лезвием стального крюка в бесчисленных разнузданных оргиях дворцов аккадского Урука, чтобы оставшиеся в живых мужчины и женщины ощущали всю полноту одномоментности жизни. Также Хильма уже в другое время, другого мира, как предводительница валькирий Фрейя после ночи с четырьмя гномами в легендах приобретала золотое ожерелье Брисенгамен, становясь самой красивой, самой желанной и могущественной женщиной на земле.

Но прошли эпохи меча и камня, и в богах отпала потребность. Да и справедливости ради: сама Хильма никогда себя таковой не считала, зато успешно пользовалась дарами заблуждений трепещущей толпы, вечно алчущей пастыря, и не способной принять альтернативу общепринятой реальности.

В нынешнее время Хильма стала обычной провинциальной «дурнушкой». Гордыня, тщеславие, жажда власти – все это чуждые понятия, никоим образом не возымевшие на нее эффекта. Она прекрасно обходилась без популярности и всемирного трепета. У новых поколений появились другие идолы и другие забойщики, рядом с которыми Хильма могла бы лишь почувствовать безгловое отчуждение, от того ей больше и не хотелось становиться видимой для глаз миллионов. Кимаме не в чем было упрекнуть внучку. И все же старый шаман по-прежнему грезил о приемнике, которому перешла бы вся власть. Хильма честно старалась выполнить завет старика, но в лучшем случае на свет появлялись мертвые младенцы, а в худшем – поронцы, игоши, шишиги. Все дело было в том, что семя любого из смертных мужчин мира солнца не сочеталось с лоном девы луны. Хильма всё зачинала и рожала, но из нее выходило лишь худо и жалкое подобие жизни, извращенное, убогое, проклятое соитием несовместимых форм.

Но все изменилось, когда однажды в их краях появился чудаковатый парнишка, назвавший себя питерским режиссером. Забавный такой был парень, всем в племени понравился. В первый же день знакомства он рассказал о своем сценарии, по которому хочет снимать кино. Так вот там, в его истории, опиумные колдуны Месопотамии воровали души нерожденных младенцев из животов беременных шлюх, а потом от тех женщин на свет появлялись бездушные тела Гогов и Магогов – воинов тьмы. Это было сказано между второй и третьей кружками пива, сразу после восторженных

восклицаний по поводу «суперской» музыки в исполнении Микко и его банды. Вроде бы, обычный трёп восторженного студента, который забывается уже в следующую минуту. Но Хильма, подслушавшая вымышленную историю об украденных из чрева душ детей, сразу все поняла. Ее осенило, на ум пришла идея о том, как осуществить услышанное и сделать то, что не получалось столетиями. Так путь на свободу Сиокса был найден...

Глава одиннадцатая

Огненный барьер светился во тьме ровным пламенем, и в груди, казалось, тоже разливался огонь: боль возвращала сознание. Жора приходил в себя. Когда-то давно после неудачного падения с крыши он сломал себе три ребра и после этого больше месяца не мог спать, так, только дремал тревожным маяньем, постоянно просыпаясь. Сейчас чувствовалось что-то подобное, только во сто крат хуже: ужасно хотелось сомкнуть веки и провалиться в сон, но жгучая боль не отпускала.

Жора поднял глаза и сообразил, что его голова покоится на коленях сидящей Ники. Это было приятно, но память очень скоро вернула то, в каких обстоятельствах оказался Жора, Ника и его брат. Девушка поймала взгляд Жоры и просияла в улыбке, сказала, смахивая слезы со своего лица:

– Мы думали, ты больше не очнешься!

Он поморщился и попытался сесть. Получилось это не сразу и с большим трудом. Жора отполз от беременной, подобрал «Вальтер», а затем облокотился спиной о стоящую в самом центре огненного круга сосну, осмотрел себя. На нем оставалась рубашка, по верх которой топорщилась пустая кобура, куртки больше не было. Из нее сделали тугую повязку, и плотно перевязали рану под правой ключицей. Жора осторожно провел по груди рукой, попробовал вдохнуть поглубже и одновременно пошевелить плечом. Хоть через боль, но получилось и то, и другое, а значит, лёгкое осталось не задетым. И лопатка целая. При выходе насквозь, по-видимому, пуля не задела ни кость, ни жизненно важные органы. Большие кровеносные сосуды тоже каким-то чудом остались невредимы, иначе бы Жора уже не пришел в себя от большой потери крови. И никакая куртка, ставшая повязкой, уже не спасла бы.

Он посмотрел по сторонам. Ближе, точно так же опершись спиной о ту же сосну, только с другой стороны, сидел Эдик и внимательно изучал пляшущие тени за огненным барьером. Чуть поодаль находилась Ника, готовая в любую секунду вновь расплакаться. Так двое близких Жоре людей были рядом и в относительной безопасности, что не могло не радовать.

А вот за кругом происходило нехорошее. В неровном свете то появлялись, то исчезали смутные образы существ в звериных масках. И почти в каждом силуэте угадывалось что-то знакомое, какие-то детали, движения, элементы одежды. Все это Жора уже видел на видеозаписях: «кабаны»,

«еноты», «росомахи», «волки» и еще с полдюжины картонных морд, в прорезях глаз которых блестели уже не совсем человеческие зрачки.

– Ладно, убедил, – тихо прохрипел Жора, обращаясь к брату, и продолжил, – на розыгрыш все это уже не похоже. Давай, братка, рассказывай. Только начни с конца: как свалить отсюда, знаешь?

Эдик отрицательно махнул головой, а затем произнес безо всяких эмоций:

– Не знаю. Я был уверен, ты вообще один приедешь, а ее непустишь. Ты же коп, должен был во всем разобраться сам. Если бы я хоть попробовал намекнуть, что к чему, они бы все поняли и тогда вообще...

Жора скривился. Он и сам понимал, что допустил ряд ошибок, от чего злость на самого себя стала лишь сильнее.

– А твой палец в конверте? Это как?

В ответ Эдик лишь размотал забинтованную руку и показал, что все в порядке, разве что по ладони растекся кровавый след от собачьего укуса:

– Это Хильма придумала. Вон она, там, видишь лису? Это она... А по-другому я не мог. Даже если бы сказал в камеру правду, как есть, ничего бы не изменилось. Этот файл просто удалили бы. И записали другой.

К братьям подобралась Ника, которая ничего не поняла. Она ведь так и не знала, что в конверте пришел силиконовый муляж, Жора не успел рассказать.

– Так это не твой палец был там?

– Нет, – сказал Эд и погладил ее по щеке, – Прости, Никусь, что тебе пришлось все это пережить.

Она бережно взяла опухшую от укуса руку Эдика.

– Ты так страдал...

Жора грубо перебил неуместные жалости, обратился сразу к двоим:

– Так, с деталями разберемся потом. Сейчас надо выбираться отсюда. Эд, объясни мне, что это за песок в твоей сумке, почему эти уроды не могут войти внутрь круга?

Начавший было раскисать Эдик вновь собрался с мыслями, стал сосредоточенным:

– Всех компонентов точно не скажу, не знаю, но там наверняка есть сера, морская соль, мел, фосфор, корни всякие, растертая смола и сухое топливо. Безумный Ия-отшельник дал.

– А-а, профессор-аскет? Знаю его, встречались. Псих еще тот. Погоди, а разве он не с ними?

Жора кивнул в сторону ночи, где за стеной огня бродили хищники. Эдик как-то уклончиво ответил:

– Не совсем так. Он, конечно, один из них, но не в стае, а скорее изгой: и среди своих, и среди

чужих. Я сам толком не разобрался. Знаю точно одно, он все это время помогал мне выживать, и теперь тоже помог, порошок дал. Тут фишка такая: пока смола вся не выгорит, будет светло. До утра хватит. Хуже, если мел уйдет и компоненты растений. Тогда тварей не удержать, набросятся.

– А что им мешает просто подождать до утра, пока пламя не спадет? Или их, типа, с первыми лучами солнца?... Ну или как оно там?

Эд усмехнулся:

– Нет, брат, ничего такого, увы, не случится. Просто, когда рассветает, в них кровь перестает бурлить. Они ведь ночные хищники, понимаешь, им положено охотиться ночью. Утром они просто уйдут, потому что знают, что никуда мы не денемся. Отсюда нет выхода. Я, по крайней мере, до сих не нашел.

– Значит, плохо искал, – съязвил Жора, и Эд только горько усмехнулся.

Жора продолжил:

– Хорошо. Доживем до утра, а там посмотрим. Говоришь, мел и растения?

– Ну, да. В них вся суть.

– И сколько реально у нас времени?

– Да откуда ж я знаю? Ия говорил, мел держится в огне пару часов, а про растения вообще ничего не сказал. Может, эта стена уже прямо сейчас не действует?

Жора скептически посмотрел на огонь, а затем уверенно произнес:

– Еще как действует, иначе бы они наверняка уже сюда полезли.

Эд отозвался не сразу, а немного поразмыслив:

– Сейчас за полночь, до восхода еще много времени. Нам надо как-то продержаться.

– Продержимся, – уверил Жора, и задумчиво посмотрел на пистолет в своей руке.

Но тут раздался тихий голос Ники, и все надежды на счастливый финал тут же померкли:

– Кажется, началось... У меня вóды отошли...

– Черт, только не сейчас, – выругался Эдик, – А потерпеть никак не можешь?

– Не знаю...

Ника растерянно посмотрела вниз: мокрое пятно на ее испачканных брюках стремительно росло от паха до колен.

Тени во мраке оживились, замелькали, залаяли, подвыли.

Жора с большим трудом поднялся на ноги и произнес, обращаясь к брату, с какой-то злобной радостью смертника, идущего в последний бой:

– Слушай меня внимательно. У нее начались роды. И подождать Ника уже не сможет. Ты сможешь принять ребенка. А я не дам тем ублюдкам сюда прорваться. Мы справимся.

– Что мне делать?

Запаниковал Эдик, но Жора отчеканил твердо и решительно:

– Подложи ей под спину свою куртку. Затемними с нее джинсы и трусы.

– А обувь снимать?

– Ты идиот?

– Просто если нет, тогда как я джинсы стащу? И еще это... У меня же руки грязные!

Жора отстегнул от пояса флягу и протянул Эдику:

– Держи. Но это чтобы пить. А руки помоешь... В общем, найди другой способ. И еще. Дышать нужно вместе с ней, глубоко и громко, понял?

– Понял.

Эд начал действовать: сперва скинул с себя верхнюю одежду и помог Веронике поудобнее лечь на подстеленную куртку, полу-облокотив девушку о плоский мшистый валун, словно предназначенный для родов. Затем бережно снял с раскоряченных в стороны ног Ники потрепанную обувь и стащил влажные джинсы, оставляя не тронутыми носки с попугайчиками. Когда дело дошло до трусиков, Жора не стал смотреть, отвернулся. Было слышно, как возится Эдик, суетится, помогая охающей Нике умаститься поудобнее.

– Сейчас, – буркнул Эд, и сделал пару шагов в сторону.

Пока он мочился себе на руки, очищая их от грязи, Ника позвала:

– Гоша...

Жора немного замешкался, но все же повернулся, стараясь не смотреть ниже огромного живота на сильно разбухшие ярко-розовые половые губы той, кого совсем недавно любил.

Ника с трудом проговорила слова благодарности, преодолевая разрастающуюся боль, гордыню и стыд:

– Гош... Спасибо тебе... за все. Ты прости, что была такой сукой. Ты очень дорог мне. Очень...

В горле Жоры застыл ком, рыдания вот-вот могли вырваться из груди, поэтому пришлось посильнее сжать зубы, чтобы ничего не ляпнуть. И Жора лишь скупно кивнул головой.

Ника еще немного посмотрела с надеждой в его полные смешанных чувств глаза в ожидании ответа, но уже через пару мгновений ее пронзила первая судорога. Начались схватки. Задыхаясь от боли, которую еще никогда прежде не доводилось испытывать, Ника закричала, но не симпатичным криком светлого праздника появления на свет новой жизни, под стать юной красоте роженицы, а страшным, чудовищным ором вселенски-страдающего несчастного человеческого существа.

Звериные тени по ту сторону огня тут же отозвались воем и возбужденными рыками, среди

которых громче всех выделилось женское лязгающее камлание.

Жора повернулся к врагам и прокричал:

– Эй, Хильма! А ты, оказывается, плохая девочка! Еще утром стащила патроны, да?

Одновременно с этим он открыл обойму, где действительно оказалось пусто.

Из темноты раздался леденящий душу жуткий хохот. Но Жора спокойно продолжил:

– Ну а ты, мишка косолапый, ублюдок, твою мать. Чего опять не стреляешь, Медведев? Боишься настоящего копа замочить? Правильно боишься, молодец! Бойся. Только суньтесь к моей семье. Я вам гланды вырву и яйца на шею намотаю, как украшение будет, только любоваться не долго придётся, потому что все равно потом всех вас поубиваю.

Проговаривая все это, Жора параллельно занимался своим: откинул ставший ненужным пистолет в сторону, достал из чехла на поясе короткий тактический нож. Затем плюнул на лезвие, растер, смачивая слюной темную сталь, и ткнул ножом в сумку с песком. Далее огляделся, поднял с земли кряжистую корягу, зажал под мышкой и быстрыми движениями отпорол от своих брюк обе штанины, а затем намотал их на палку. Сомнительный факел Жора тоже ткнул в сумку.

– А, вот и ты, – он заметил, как за спинами «зверей» во мраке появился разукрашенный шаман. В старике угадывался Иона, хозяин Туманной горы. Могло показаться, что Жора был рад встрече, по крайней мере, обращался он к шаману весело, на кураже, – Кимама. Как же без тебя? Что, собрал всех сумасшедших в округе и теперь плясать будешь? Ну, молодец, старый, нечего сказать. Только что-то не вижу вашего вождя Сиокса. Кажется, так его зовут? Где ж ваш Зверь-то? Я бы с ним пообщался.

Кимама ничего не ответил, но начал свои песни, постепенно разгоняя ритм ударами о черную натянутую кожу старого бубна. Монотонное камлание на неизвестном языке вырвалось из глоток многих «зверей», повторяя за шаманом каждую новую фразу. Жуткие непонятные слова прибили ветер к земле и накрыли колпаком беззвучия вершину горы. Волны тумана подползли к самой кромке огненной стены.

Жора подошел ближе к огню. Вспыхнул факел. Нож Жоры по очереди обвел сгрудившихся врагов, медленно перерезая им воображаемые горлянки, и остановился острием на шамане, которого тут же заслонила собой фигура в маске лисы. Огонь, разделявший бывших любовников, плясал в глазах единым танцем мерцающих сполохов, обдавал жаром, раскалывал мироздание на две половины.

Жора чуть опустил нож.

– Сними маску, Хильма. Хочу на тебя посмотреть.

И девушка повиновалась. Разрисованная картонка на тесемочках полетела в пламя и тут же

вспыхнула.

– Что ты хочешь увидеть?

Произнес глубокий женский голос. Альбиноска выглядела также, как и раньше, ничуть не изменилась, разве что ее раскосые глаза стали еще светлее.

– Брат говорит, это ты все придумала. И теперь я склонен верить ему, а не тебе.

– Верь, кому хочешь, – Хильма усмехнулась, и от этого по спине Жоры пробежали мурашки.

Он опять поднял нож и спокойно произнес:

– Если ты или твои дружки причинят моей семье вред, клянусь, я убью тебя. Рука не дрогнет.

– Твоей семье? Да что ты заладил? Ты еще не понял, глупый? Теперь мы – твоя семья.

– Как бы не так! Черт, я ведь почти влюбился в тебя, Хильма. И как такое вообще могло произойти? Ты же уродина!

– Ты и сейчас любишь, просто злишься. Понимаю тебя и почти не осуждаю. Или, может, ты думаешь, что можешь сам контролировать свои чувства? Нет, дорогой, этого ты не можешь. Опusti нож. Очень скоро мел выгорит, и мы зайдем внутрь. Ты не будешь мешать нам или препятствовать, потому что я не хочу твоей смерти после всего, что между нами было. И говорю правду, хоть ты можешь и не верить. Но если вдруг тебе взбредет в голову оказать сопротивление, то я уже не смогу остановить племя. Тебя разорвут на части. Но перед этим сперва освежают, оскоят и сдерут заживо кожу. Я буду горевать.

– Это вряд ли. Да и кожа моя мне еще пригодится. Поэтому предлагаю компромисс, в котором никто не пострадает. Вы прямо сейчас уходите отсюда, а я забираю брата и Нику, и мы уезжаем. Даю слово, в полиции о ваших делишках узнают только на третий день. Раньше объявлять не стану. Так что у вас будет достаточно времени свалить из этих мест еще в какую-нибудь дыру, поглубже. Где, собственно, вам и место – подальше от людей!

Хильма разочарованно вздохнула и отвела взгляд, а затем обратила внимание Жоры на огонь:

– Смотри, видишь, зеленые края пламени совсем стали незаметными. Знаешь, что это значит?

Жора еще не успел сообразить, что к чему, когда сзади раздался панический вопль. Кричала Вероника:

– Гоша!!! Они прорвались! Они здесь!!!

Рядом с Никой и испуганным Эдиком, возвышаясь, стояла эвенка Имппи. Ее смуглые руки, вытянутые из-под плаща высоко вверх, сжимали рукоять какого-то оружия, более всего напоминавшего сплюсненную бейсбольную биту с шипами. Густые черные волосы хищной девушки прижимала к затылку розовая ленточка полумаски рыси. Жора повернулся и увидел пришлую тварь, и тут же бросился к ней.

Эвенка проворно развернулась на полусогнутых ногах, замахнулась и ударила.

– Не смей!! – закричала Хильма, но осталось так и не понятным, к кому именно она обращалась. Вероятно, сразу к обоим.

Попади Имппи Жоре в голову, и его мозги разлетелись бы во все стороны. Но он увернулся, боксерски подсел и в это же мгновение нанес ответный удар. С хлестким хлопком и тошнотворным чавканьем стальное лезвие вошло ровно по центру в солнечное сплетение эвенки и тут же вышло наружу, высвобождая плотный фонтанчик крови. «Рысь» удивленно взвизгнула и захрипела, но подавилась стоном, так как в следующее мгновение Жора мощно вломил ей в грудь своим военным ботинком сорок пятого размера, продублировав атаку ногой. От такого сильного и четко выполненного удара с лица девушки моментально сорвало маску, а с изящных ножек – мокасины, Имппи кубарем полетела за огненную ограду. Из темноты раздался душераздирающий нечеловеческий вопль агонии.

В следующее мгновение закричала и Ника, но не от страха, а от боли схваток. Роды только начинались, и до кульминации оставалось еще далеко. Эдик, не обращая внимания на роженицу, восторженно рявкнул «зверям»:

– Говорил же, придёт мой брат! И вам всем *кабзда* настанет! Говорил? Теперь жрите, гады! Гоша!!

Последний выкрик предназначался Жоре, чтобы уберечь от очередного нападения. Старший брат обернулся и очень вовремя. Стройный мужчина в маске оленя грациозно и даже как-то по-женски перепрыгнул через пламя, но тут же получил жестокий хрусткий удар локтем прямо в маску, из-под которой мгновенно брызнуло кровью, и «олень» уже безо всякого изящества ретировался обратно.

И тут ряженные повалили со всех сторон. Очевидно, мел выгорел раньше, чем ожидалось, и поэтому пришлось сражаться. Целью «зверья», несомненно, была Вероника. Они тянулись к ней, протягивали когтистые руки-лапы, прыгали через огонь, шипели, лаяли, выли, клацали зубами.

Эдик поднялся на ноги и схватил сумку с землей, а затем, не переставая отчаянно кричать, начал рассыпать песок прямо на наступавших. Те фыркали и уклонялись, отворачивались, но уже в следующее мгновение утраивали натиск. Жора все это время бил их руками, отталкивал в огонь, пинал ногами, сёк ножом. А твари все не унимались. Так продолжалось долго, дольше, чем может показаться. И все это время черный бубен Кимамы ни на миг не останавливался, и зловещие песнопения не прерывались.

В один момент, когда Жора сцепился с «барсуком» и катался с ним в смертельной схватке по земле, сломалось лезвие, неудачно попавшее не в обрюзгшее тело, а в камень. Но потом Жоре все

же удалось нанести несколько ударов головой в переносицу врага. «Барсук» расцепил хват, и с диким воем поднялся на руках, Жора незамедлительно нанес удар двумя ногами в грудь противника и опрокинул того навзничь. «Барсук» упал в пламя, вскочил и в панике ринулся в темноту. Жора рухнул на землю, его взгляд устремился вверх. Наверное, от того он совершенно случайно и увидел то, чего не должен был: маленькую красную лампочку пищащей видеокамеры, закрепленной высоко на стволе одной из трех сосен.

Жора непонимающе посмотрел на брата. Эдик проследил за взглядом Жоры и понял, что теперь тот знает, поэтому произнес с заискивающими нотками разоблаченного жулика:

– Прости, Жора. Но так надо. Правда, ты не обижайся. Хорошо?

Жора уставился на Нику. Она закатила глаза под лоб и глубоко дышала в ожидании следующей схватки. Нике сейчас ни до чего не было дела. Тогда он вновь посмотрел на брата. «Звери» пока не атаквали, давая передышку. Жора сел и все еще с непониманием спросил:

– Это что там, камера?

– Да, – улыбнулся Эдик, – «гоу-прòшка». Такой момент. Это же на всю жизнь! Ну, я и решил...

– Не понял. Это ты что ли ее туда повесил?

– Так, да. Я и говорю. Мы же одна семья! Все вместе... Праздник же, нужно снимать!

Ника повернула голову к Эдику. На ее измучанном лице пот валил градом, перемешивался со слезами и давно потекшей тушью, оставляя на рдеющих щеках обильные разводы. Она открыла мутные от боли глаза и прошептала:

– Эдик, о чем ты говоришь?

– О нашей семье, любимая! – опять улыбнулся он.

Еще не до конца осознав весь масштаб предательства и лжи, лишь интуитивно догадавшись об истинной причине происходящего, Жора с ненавистью в сердце стал подниматься на ноги, чтобы придушить лукавого братца собственными руками, как вдруг сзади на него набросился человек в маске медведя. Огромные толстые ручища обхватили Жору за плечи и сдавили грудь так, что не осталось воздуха. Вероника закричала хриплым срывающимся голосом:

– Не-е-е-е-т!!!

Но было поздно. Присоединившиеся к «медведю» другие «зверята» вмиг утащили отчаянно сопротивляющегося Жору за блекнущую стену огня.

Когда силы подошли к исходу, Вероника остановилась. Ее крик сперва перешел в шепот, а потом и вовсе стих. Где-то там, во тьме, снаружи, наконец умолк и шаман. Стало тихо.

Первое время Эдик провожал брата взглядом умалишённого, а затем, смахнув с лица слезу радости, приблизился к Нике, присел перед ней на колени и аккуратно развел в стороны и без того

раскоряченные ноги девушки, опустил свою голову на грудь и начал дышать глубоко, равномерно, призывая Нику повторять за ним.

С этого момента роды пошли как полагается. Никто больше не тревожил будущих отца и мать. Разве что совы, которые то и дело пролетали совсем низко, с любопытством наблюдая за необычной для этих мест картиной. Но и они вскоре пропали, огонь окончательно погас и все вокруг заволочло клубами плотного тумана.

Глава двенадцатая

Когда над безлюдными болотами и лесистыми холмами забрезжил рассвет и мгла рассеялась, то под тремя соснами на вершине Туманной горы уже никого не было. От происходившего ночью остались лишь невнятные следы на мшистых валунах, пепел, вытоптанная трава и сильно смятая, вся в крови, разодранная куртка.

В неровном сгоревшем круге черные угольки и выгоревшая земля образовали неведомые линии и знаки, понять которые не смог бы и самый башковитый руно-вед. В центре таких силограм раньше приносили дары богу изобилия Симарглу, полусобаке-полуптице. Собственно, древнее божество и сейчас находилось здесь: огромная белоглазая лайка сидела, словно каменное изваяние, в самом центре и выглядела безжизненным чучелом: ни дыхания, ни другого шевеления, ничего. Лишь большие влажные глаза, подернутые пеленой столетий, указывали на то, что это все-таки живое создание, а не мумия. Пристальный взгляд мифического существа был обращен на восток, туда, где восходило солнце, туда, где за много километров от Туманной горы к одноименному отелю, сгоревшему задолго до нынешних событий, из леса вышел полуживой человек.

На теле рослого мужчины зияли рваные раны, виднелись следы от когтей и зубов. Одежда несчастного свисала клочьями, недоставало двух штанин, а на ногах и шее по запекшейся темно-красной крови и подсохшим комьям грязи, из свежих ран сочились неостановленные алые струйки.

Еле живой парень с трудом стоял на негнущихся ногах и смотрел, как навстречу ему из бревенчатого строения выходят двое: карлик и белоголовая дева. Они приветливо помахали ему рукой и пригласили заходить внутрь. На самом же деле никакого отеля, что видел на этом месте человек, уже давно не было, лишь обвалившиеся полу-прогоревшие старые бревна, успевшие порости мхом; и кирпичный остов камина, в котором пустили корни две молодые березки.

Да, зыбкие кров и уют сумеречного мира могли стать неотличимой от правды иллюзией днем, зато впускали в себя параллель мироздания уже безо всяких там миражей и кадавров во плоти и форме, лишь только последний лучик солнца покидал Землю, и ночь открывала теням путь другого измерения.

Карлик уважительно закивал головой и произнес в полголоса:

– Хаи-он ваакьова*.

*«Он силён» – перевод с карельского.

Девушка негромко ответила, загадочно улыбаясь:

– Муга. Ольла минум укко*.

*«Да уж... Будет моим мужем» – перевод с карельского.

Вышедший к сгоревшему отелю парень еще постоял немного у кромки леса, будто прислушивался, а затем наконец сделал первый шаг вперед, навстречу судьбе.

Эпилог

Эдик включил селфи. Мобильник он держал в руках, поэтому его волнение в какой-то степени могло сойти за естественную погрешность съемок. Эдик помолодел, точнее сказать, теперь имел более здоровый вид: ни ссадин на лице, ни царапин, ни бõмжевской бороды, ни ужасных колтунов на голове – всего этого уже не было. Он вновь выглядел добропорядочным гражданином цивилизованного общества потребителей поп-культуры, попкорна и техно-гаджетов.

За прикрытым шторами окном монотонно гудел ночной мегаполис. Из общего потока машин до слуха изредка могло доноситься рычание особо рьяных мотоциклов, водители которых даже в пробке умудрялись «дать по газам».

В затемненной спальне с извечным бардаком, где хаос пустых бутылок из-под молока и пива органично сочетался с не застеленной кроватью, коробками из-под пиццы и разбросанными «рандõмно» вещами, Эдик записывал обращение, впервые за очень долгое время, и от того немного нервничал, то и дело трогая себя то за ухо, то за кончик носа, то яростно стирая с бровей несуществующие пылинки.

– Ну что тут сказать? Я стал отцом. Это конечно жесь. Зато какое счастье... сейчас, погоди...

Он вывалился из кадра, но уже через секунду появился со спящим младенцем на руках.

– Вот. Это наш мальчик. Послезавтра будет первый день рождения! Представляешь, целый год прошел! Не верится... Понятное дело, никто не стал его называть Сиоксом. Сиокс... как же?! Не хватало, что б его еще в школе дразнить начали! Думали, Сайман – неплохо подойдет. Но опять же, американизмы, все такое... заклюют. Короче, тоже не то. И тогда Никос предложила назвать его Арсентием. А что, нормальное такое имя. Я поддержал. И теперь прошу всех познакомиться, дамы и господа, любите и не жалуйтесь, Арсентий Шуст, собственной персоной!!

В комнате появилась рассерженная Вероника и сходу начала шикать на Эдика:

– Ш-ш-ш! Ты чего кричишь, бестолочь? Малой спит, а ты орешь! Только попробуй его разбудить! ... Оу...

Ника заметила, что идет запись, и тут же выключила боевой режим тихо-яростной валькирии, заулыбалась и сказала в камеру очень дружелюбно:

– Гоша, привет. Не знала, что Эдик пишет, а то бы присоединилась. Как вы там в своей глуши? Слушай, может все-таки поставите вышку? Ну, правда, без телефонов ну совсем ведь хрень с общением!

– Ник, им же нельзя, – Эдик отрицательно закивал головой, и Вероника нехотя согласилась.

– Ну, да. Просто... Ай, ладно. Так тоже сойдет. Как, кстати, Хильма поживает? Норм? В общем, передавай ей привет! И ребятам тоже... Ну все, забираю Сеню, а вы общайтесь. До скорого.

И, послав воздушный поцелуй, Ника кокетливо подмигнула в камеру, приняла так и не проснувшегося ребенка на руки и вышла из спальни. Эдик виновато продолжил:

– Ты не обижайся, браза, что мы пропали так надолго. Просто реально все сложно. Времени вообще нет. То есть, во-об-ще!! С малым и так не просто, а тут еще кое-что другое нарисовалось. Помнишь, я рассказывал о том сценарии? Ну, типа, Месопотамия, опиумные колдуны, первобытные обряды? Короче, я инвестора нашел, прикинь?! Теперь снимать будем! И сейчас, получается, препродакшн идет, подготовка полным ходом. Я – режиссер... все такое. Кастинги, планирование. Мечты сбываются, бро, вот так... Подумываю даже книжку написать. С названием, правда, пока беда, не придумал, но все будет хорошо. В конечном итоге... Ладно, Жорик, давай, брат. Обнял.

Эдик еще немного посмотрел в камеру, а затем отключился, и ничего этого больше не стало.

Хильма погладила возлюбленного по свежим шрамам на его могучей груди, а затем прильнула к губам. И их страстный поцелуй длился еще по меньшей мере минуту, пока учащенно бьющиеся в унисон сердца не вспыхнули жаром, и кровь не разогнала по венам выделившиеся гормоны страсти. Жора приподнялся на локтях. Мягкая подстилка из многолетнего мха-сфагнума сразу же заполнила освободившееся пространство. Хильма перекинула через Гошу свою длинную ногу, почти доставая миниатюрной щиколоткой до его плеча, и произнесла томным низким контральто:

– Куда это ты собрался? Луна только взошла.

Жора нежно провел рукой по голому, налитому жаждой секса, упругому женскому телу, и ответил глухим от возбуждения голосом:

– На этот раз я буду сверху.

И эти слова были единственными на сотни километров в округе, произнесенными человеком,

под звездным небом, многократно отраженным в блюдцах озер безлюдных топей, в мистическом месте с забытым названием «Уду-у Маги».

Конец